ЕЛЕНА
НЕСТЕРИНА
ЖЕНЩИНА-ТРАНСФОРМЕР
РОМАН-ШОК

Елена Вячеславовна Нестерина

Женщина-трансформер

Серия «Романы (Нестерина)»

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167081
Эксмо;
ISBN 978-5-699-28469-6

Аннотация

Эта женщина пыталась сделать карьеру, выйти замуж, быть как все – или хотя бы понять, зачем живёт на свете. Но вместо этого выяснила, что она – монстр! Удар о землю – и… до пояса человек, а дальше крылья, перья, хвост. Да, летать приходится топлес, и очки на больших высотах покрываются льдом. Можно менять очки на линзы, можно укрепить на лапе телефон и следить за навигацией. Наушники помогают отвечать на звонки и слушать музыку… За что же обычной офисной служащей дано счастье трансформироваться в птицу? Ради выполнения какой-то миссии – или скоро все станут такими? Пока это чудо размышляло и наслаждалось небом, на него охотились. Наконец, поймали. И… Следите за рекламой – скоро женщина-оборотень на всех шоу-площадках и в медиа-пространстве!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 126

Елена Нестерина
Женщина-трансформер

Это был последний день лета. В воздухе грустно пахло тополиными листьями, которые вот-вот готовы сорваться с деревьев, или уже падают, или давно лежат на асфальте, растёртые колёсами и ногами пешеходов. Так – солнцем и листьями, пахло накануне очередного учебного года. Школьного и институтского. Печальный запах безвозвратно исчезающей свободы…

Хотя здесь, на большом усадебном участке, тополей не было – но других красивых деревьев, кустов и цветов росло в изобилии. Может быть, все увядающие листья пахнут одинаково?

Я бродила по дорожкам и вдоль забора. А в просторной беседке праздновали день рождения главы одной славной семьи, где меня любили и часто принимали.

За столом было весело – и почему не веселиться хорошим людям в погожий день? Сначала я, конечно, тоже сидела там. Раньше меня из-за праздничного стола было клещами не вытащить, но сегодня что-то пошло не так. Я тихонько ускользнула.

И вот теперь гуляла. Мне было совсем немного грустно и как-то бессмысленно, что ли. Вроде как и не из-за чего. А в то же время – из-за всего. Если вспомнить ужасную стати-

стику, которую для придания бодрости офисному планктону рассылает иногда неведомый сетевой гуманист, то, конечно же, сразу становилось ясно, что у меня всё замечательно. Ведь если я пробудилась утром, ощущая себя в большей мере здоровой, чем больной, это означает, что Судьба благоволит мне намного больше, чем миллиону человек, которых не будет в живых уже на этой неделе.

Как там дальше? А! «Если вы никогда не испытывали чувство опасности, которому подвергается человек на поле боя, если вам не знакомо чувство одиночества, какое испытывает узник в тюремной камере, или вы не знаете, что такое агония пыток или муки голода, то вы счастливчик: вам повезло больше, чем каждому из 500 миллионов других людей в мире. Если у вас есть еда в холодильнике и одежда на теле, есть крыша над головой и место, где вы можете поспать, то вы, без всякого сомнения, несравненно богаче, чем 75 процентов людей в этом мире. Если у вас лежат деньги в банке и что-то есть в кошельке, то не сомневайтесь: вы принадлежите к тем 8 процентам населения Земли, которые находятся на вершине иерархической лестницы богатства. А если вы сумели прочитать всё это, то вы – баловень Судьбы в большей мере, нежели два миллиарда людей на этой планете, которые не умеют читать совсем…»

Ну так что ж – читать я умею. И ценить свои преимущества стараюсь. Но как же, всё-таки, много мне не хватает для счастья!..

Я – это взрослая девушка тридцати четырёх лет, одинокая, неуверенная в себе и во вред себе нелогичная. Умная я или глупая, красивая или нет – сказать сложно. Я до сих пор не определилась в оценках.

Жить мне с таким набором трудно. Но жить хочется. Так в чём вопрос?

Я много училась, но сказать, чтобы это как-то отразилось на качественности моего образа, не могу. Знания. Да… Должна же быть от них какая-то польза? Да и что я, собственно, знаю? Так вот навскидку и ничего в голову не приходит. Ну, скажем, когда-то были декабристы. Много. Я помню, в декабре какого года и где они восстали, зачем. Эмоционально реагировать на их действия не хочу – особенно в свете знания, например, о том, какое количество солдат, которых они вывели на Сенатскую площадь, прогнали затем сквозь строй. Они-то были господа, им по спине не досталось. Да, пятерых повесили, причём некоторых два раза. Кто-то из них сказал, что у нас даже повесить как следует не могут – вот такие мы всем государством бестолковые. Так, повешенные: Бестужев-Рюмин, Муравьёв-Апостол, Каховский, Раевский, нет, Рылеев, кажется. Да, точно. И ещё один. Или кто-то из них всё-таки лишний. Так вот этих повесили, а остальных в Сибирь… За ними жёны. За кем чья поехала – этого не помню. Трубецкая среди них была. Жена ли она Трубецкого и был ли среди них такой – не могу утверждать, чтобы не опозориться. Но вот за это, кстати, мне не

стыдно. Я знаю, где и как можно быстро найти информацию. В этом большой плюс моего поколения владельцев электронных средств связи, оплачивающих интернет.

Если сильно напрячься, я могу вспомнить что-нибудь наизусть на старославянском языке. И даже составить предложение на древнерусском. Если напрячься, да. Только вот зачем – ведь никто не поймёт. А если и поймёт, то обязательно ошибку какую-нибудь обнаружит.

Фамилии романтиков «Озёрной школы» я если и перечислю, то с трудом и кряхтением. А это неромантично.

Как относиться к неоплатонизму и ницшеанству – не знаю.

Могу вспомнить даже что-то из планиметрии – учила ведь когда-то, старалась. Вспомню. Но зачем?

Нужны ли мои знания, пригодятся ли они мне в жизни? Если сейчас я живу себе, вроде, и ничего. А завтра все начнут умирать по причине планетарной пандемии или просто конца света. И какие знания тогда пригодятся? Может, то, как надо правильно вырыть норку и там жить? А может, пора озадачиться и выучить правильные ответы на вопросы тестов, которые будут задавать у ворот в загробную жизнь?

Я хлопаю в ладоши и ловлю моль на лету почти всегда с первой попытки. Вдруг это мне очень пригодится? Зачем-то ведь я это умею…

Всё происходит совсем не так, как мне хочется. И ни разу не было, чтобы по моему хотенью. Нельзя назвать моё суще-

ствование большой удачей – несмотря на крышу над головой и отсутствие пыток. Но почему надо равняться на гипотетических страдальцев, а не на реально успешных людей?

Надо думать.

Думать, что делать. Хотя – и так всю жизнь думаю. Толку-то…

Ложась спать, я боюсь свешивать руку. Мне кажется, что в темноте за неё схватится маленькая, холодная и сморщенная лапка Того, Кто Живёт Под Кроватью. Я знаю, что его, наверно, на самом деле нет. Но всё равно боюсь – и сама себе удивляюсь…

Мне хочется быть успешной в общечеловеческом плане. А что это значит? А то, что я должна иметь высокие личностные характеристики, образование, убеждения и идеалы, состояться как специалист, как жена и как мать. Всю первую часть я имею, два последние пункта нет – может, от этого я чувствую, что жизнь моя не то чтобы неполноценная, но какая-то без особого горения, что ли? Мы счастливо, казалось, проскочили эпоху, когда женщине непременно надо было замуж. Да, мерило гармоничной женской ценности осталось: если она имеет набор положительных качеств, которые привлекли мужчину настолько, что он женился на ней, с ней живёт, считая жизнь свою удавшейся, заводит детей и планирует эту совместную жизнь продолжать, значит, эта женщина – состоявшийся человек. Да точно так же и мужчина. Если жена с ним счастлива, если муж не вызывает у неё желания

бежать от него на край света, то всё в порядке. Про карьеру и речи нет – потому что ведь как правило, если человек не совсем дурак, она как-то складывается. И приносит доход – раз жена не бежит.

Но если этого набора и нет, то тоже ничего страшного. Ведь пары, сознательно ставшие чайлдфри, живут счастливо, блистательные одиночки тоже не страдают, женщины за сорок рождают первого ребёнка вполне нормальненьким.

С другой стороны, всё моднее сейчас жениться очень рано, заводить детишек – и уже параллельно этому становиться личностями и прокачивать профессиональные навыки. Что-то я вот зависла между двумя этими тенденциями.

А ведь многое стало не проблемой. Практически всё. Нужен ребёнок, а сама никак – заплати, вырасти его в пробирке и отдай суррогатной матери его вынашивать; нужна молодость – оплати шприц и скальпель; ощущения отлично симулируются, билеты продаются в любую точку мира, кто ищет, тот всегда найдёт…

И всё равно зачётно иметь всё настоящее. Традиционно-полноценное. Особенно личную жизнь. Недавно, перебив моё спокойное довольство собой, кто-то мне сказал, что, если не срослось у человека в этой самой личной жизни, если никто не возжелал его так сильно, что захотел ради него пожертвовать своей марьяжной свободой, значит, не судьба виновата. А что-то с ним не то. С ней. С одинокой женщиной. Такой вот, хотя бы. Как я.

Ну да, я особо и не зацикливалась на том, чтобы выйти замуж. Я жила, работала, сильно об этом не задумывалась. Казалось, что всегда замуж успею. По любви обязательно. Как-нибудь непременно это сделаю, а пока… И что «пока»?

А ведь если подумать любовь – это так здорово! Почему у меня её нет? Я даже не зануда и не истеричка. Вот как раз такую женщину (в смысле истеричку или зануду, а ещё лучше и то и другое в одном флаконе) я бы только врагу пожелала. Если бы у меня был какой-нибудь мужчина-враг. Вот ему.

Почему-то мне всегда верилось, что любовь – это чудо, и оно возникнет нерукотворно. Обязательно возникнет! Надо только быть хорошей, ждать, верить. Чтобы в какой-то там прекрасный момент – раз! И вот оно!!! Время шло в стойкой и смутной надежде на возникновение этого самого счастья… Верилось-верилось – и доверилось до того, что уже тридцать четыре, а всё никак. И хоть бы меня это не тяготило – одна и одна, пусть бы мне было бы от этого хорошо! А то ведь, как сейчас выяснилось, плохо! Раньше я сильно об этом не задумывалась. А тут вдруг задумалась – и испортила себе приятный выходной…

Все попытки это изменить – кончаются или ничем, или страданиями.

Отсюда что следует? Что если я не люблю – ладно. Но ведь не любят и меня. Значит, раз меня не любят, то, выходит, любить не за что. У мужчин ведь другие мозги – и тому сотни примеров. Любят же они дур, стерв и подлых обманщиц. А за

что? За какое-то странное «что-то», чего лишена я? Совсем лишена, выходит? Видела, сама видела: романы со стервами и подлейшими корыстными хитрованками закручивались на моих же глазах, причём у весьма симпатичных и приличных парней. Как?! Чем-то они их привлекали. Чем? И почему не могу привлечь я?… Почему эти парни не выбрали меня? Потому что я не была активна? Не посылала им нужных флюидов? Не кокетничала и не проявляла эту самую пресловутую «женскую мудрость»? Правильно – и не кокетничала, и не проявляла, и тупила, и тормозила. Вот и получила.

Да, на самом деле – тяга к резко отрицательным женщинам у мужчин очень сильна. Что в этом случае мне если я знаю эту тенденцию, мешает быть такой? Зачем я всегда стремилась к созданию положительного образа, думая, что моё хорошее поведение и незапятнанную репутацию обязательно оценят? Глупость моя и недальновидность – вот, скорее всего, что мешает. Или дурная надежда на то, что добро побеждает зло? Но ведь даже если обратиться к сказкам, патентованному кладезю народной мудрости и концентрату жизни, то что мы видим: некий добрый малый влюбляется не на жизнь, а на смерть в злобную царскую дочку – и начинает ради неё совершать всякие подвиги, попутно шлифуя её гадкий характер. Зачем? Не только же ради царского приданого молодой герой так старается? Нет – сама эта коза ему чем-то понравилась! Неужели это всё – показатель необыкновенной мужской прозорливости? Что они умеют замечать брил-

лиант среди колючих терний. А те дамочки, которые пушистые, белые, яркие – но всё-таки фианиты, а не бриллианты, их обмануть своим искусственным блеском не могут? Не хочется в это верить. И фианитом быть тоже… А ведь есть множество женщин-бижу, которые всю жизнь даже не пытаются бриллиантовость имитировать, а гордо блещут своей человеческой бижутерией, живут себе счастливо. И мужчины счастливы при них. А я, а я?..

Может показаться, что я какая-то бедняжка. Нет – я успешная женщина. У меня отличная работа! И прекрасные подруги. Они меня любят и ценят. Как и в каждой женской истории, с подругами у меня связано очень многое. И хорошо, что у нас всё хорошо. Хотя мы знаем, что любая из нас прекрасно проживёт без остальных. Но дружим. Так уж сложилось. Это у одной из них сейчас, у Жени, мы отмечаем день рождения её мужа в их загородном доме.

Славно тут у них – живи и радуйся. Места много, до Москвы почти восемьдесят километров, природа и относительное одиночество. Дом стоит на высоком холме, с которого открывается вид на пронзительно-прекрасную даль. Мне выделяют комнату на самом верху, и её балкон висит, кажется, отдельно от всего дома. И будто бы летит, летит над землёй. Ничего, кроме далёких лесов, широкой поймы реки и неба с него не видно!

…Я сделала ещё один круг по территории и вновь оказалась возле беседки. Веселье продолжалось. Вкусно пахло

шашлыками – пора, значит, подбираться к раздаче.

Гости преувеличенно бодро – ну прямо как будто едят жареное мясо первый раз в жизни! – крутились возле мангала. Оглядываю мужчин. Интересно, это только я так делаю, или многие девушки так развлекаются: каждого мужчину, который заговорит со мной, я в самую первую же секунду «обдумываю», типа: «Неужели это он – мой будущий муж?» Интересно, лечиться надо – или это нормально?

Из сегодняшних гостей даже вот так вот «обдумать» некого. Как обычно: или все мужчины заняты (с жёнами или подругами, от которых их переманивать нечестно и даже опасно), или если свободен, то обязательно бедняжка-страдалец, до сих пор не понятый ни одной злодейкой-женщиной… Мне ни в коем случае нельзя даже начинать слушать их рассказы о муках, обидчиках и проблемах. Я начинаю сочувствовать и… И расчищаю место у себя на голове, приглашая: садись и свешивай ножки! Ну хоть это я, наконец-то, поняла. И стараюсь таких обходить. Я в этом смысле – молодец.

В общем, кавалеров нет. Подруги – одна замужняя и одна «в вечном поиске», которой завидуют все: и счастливые жёны, и одиночки, рассмотрев гостей категории «М», разводят руками, соглашаясь со мной. Да, снова для меня никого… И только третья подруга, хозяйка дома Женька, смотрит хитровато. Может, знает, что кто-то ещё приедет?..

Кстати, есть ещё охранники и водители. В основном молодые, спортивные и симпатичные. Но…

Проблема даже не в том, что они некий «второй сорт» или что им нельзя заниматься личной жизнью на работе. Всё можно, как показывает сама же эта жизнь. Но, опять же «но»…

Могу, конечно, в целях подтверждения утверждения продемонстрировать это «но». Собрав на себя внимание подружек, улыбаюсь охраннику.

Охранник воротит нос – а почему? А потому, что понимает: я – не барыня. Барыни приезжают со своими баринями, они ведь, эти охранники, всегда в курсе жизни господ. Так что уважения, такого, как, например, вечно свободная женщина Анжелка, я у них вызвать не могу. Такие мужчины вместе с ней прикатывают, что любому чужому охраннику понятно: раз столь серьёзные перцы интересуются этой женщиной, она – высший класс. Анжелка, бывает, приезжает одна. Но она иногда одна, а я всегда. Может, это их настораживает? Или то, что у меня машины до сих пор нет и начать учиться ездить на ней я не сподобилась. Ну что же – купить машину, беспрестанно думать о её внутренних проблемах, сходить с ума на московских улицах, искать парковки – и всё это ради того, чтобы водителям Женьки и её друзей понравиться? Поздно. Они меня уже знают. Всё равно не понравлюсь.

Конечно, никто из них мне не хамит, но на этом и всё.

Да, часто у этих же водителей и охранников крыша съезжает от дам Анжелкиного типа. Они горят глазами, бегут

со всех ног, куда им скажут, преданно провожают взглядами, слушаются, даже пытаются играть командира жизни и решать что-то в планировании времени и судьбы своей партнёрши. Что, конечно же, им никогда не удаётся. Ведь такие, как Анжелка, знают, кого можно просто использовать, а с кем иметь что-то серьёзное.

За то, что охранники никогда не обращают внимания на меня, я, наверно, так цинично о них и отзываюсь. Ну мне правда обидно, что они меня не замечают, так что, когда их какая-нибудь «Анжелка» кинет – это значит, им за невнимание ко мне отомстили. Шучу, шучу… Я знаю одно. Мужчину надо за что-то полюбить. За поступок. За яркое и славное качество характера, которое он вдруг проявит. А где же он его может проявить? Тут, за столом? Или когда мы выйдем за забор пройтись? Петарды когда начнём какие-нибудь пускать? Нас вдруг накроет стеной огня – а этот самый «он» всех спасёт?.. Или вдруг восстанут против людей шары в бильярдной, пойдут на нас в атаку – а тут он, мой герой, покажет им кузькину мать?

Что мы только ни делали с семьями и друзьями моих подруг! Катались на катерах, сноубордах, горных лыжах, равнинных и водных, пили, ели, танцевали. К обычной радости и игре адреналина всегда примешивалась дурацкая призрачная надежда. Кто её теперь знает, надежда на что: на встречу, на случайно-неслучайный взгляд, на то, что вот, сейчас, за поворотом, за хлопком двери или ударом часов кто-то

появится. А с ним – именно моя радость, моя любовь, мой смысл жизни.

Нет, всё, это я уже отставила – всё-всё-всё, смысл жизни ищу в работе и ежедневных мелких удовольствиях! Я не только о жёлтой обезьяне не думаю, стараюсь на темы своего будущего не думать вообще. И, конечно же, не загадывать. Потому что как загадаю – так никогда не получается…

Я ною? Всё мне не так? Пёс меня знает… Но будущего впереди ещё много. Его у меня больше, я надеюсь, чем прошлого. И чем придётся наполнить это будущее? Я хорошо и много работаю, осваиваю все новые методы, слежу за трендами и веяниями, перенимаю опыт. Я не учёный, а потому не сделаю открытия, которое толкнёт человечество вперёд, к процветанию и истинному счастью. Тем не менее, я пытаюсь, конечно, но в основном мои силы уходят на поиск новых и новых форм обогащения фирмы, в которой я работаю. Да, я могу сильнее напрячься, улучшить свои параметры – и меня переманит ещё более могучая фирма на лучшую зарплату и бонусы. Это ли не цель, что всем желанна? Должна ли я бороться, покорять вершину за вершиной и чувствовать удовлетворение от этих побед? Победы ли это?

Что же это я не знаю ответов на самые простые вопросы – вопросы по жизни, как говорится? Наверняка ведь каждый взрослый человек это знает: где я, кто я, что я ст**о**ю.

Ведь все пути человеку открыты. Можно не работать на хозяев, развивать свой бизнес. Сделать себя брендом, нанять

людей, чтобы помогали его сначала раскрутить, а потом поддерживать. А вот я и не знаю, хочу ли я такой судьбы. Плыву, получается, в трудящейся массе…

Чтобы что-то понять, сдвинуть в судьбе своей и жить более осмысленно, надо сделать что? Что? Насколько надо сильно пожелать, чтобы начать действовать?

Пока я не знаю ответов на эти вопросы. А жизнь продолжается. Хоть бы была я лютой карьеристкой. Или меня женщины, что ли, привлекали бы. С ними, может, быстрее всё наладилось бы. И мотивация другая появилась, и воля к жизни, и стремление к успеху. Так ведь нет – не привлекают, заразы.

Сиди вот теперь, обижайся, что всё никак.

Я и сижу. В смысле схватила шашлык и хожу в сторонке. Пить подружкам со мной, я думаю, всё менее неинтересно. Раньше я была веселейшая собутыльница. Подруги параллельно создавали личное счастье, а я просто радовалась жизни, как персонаж среднего рода. И только грела себе закоулки души обманной надеждой – будет и у нас счастье и сердечная радость, всему своё время. Спустя годы опомнилась – а нету! Так смысла жизни и счастья я не нашла. И пить тогда девчонкам со мной стало страшно – выпив, я страдала, ужасаясь чёрной дыре общей бессмысленности своей жизни. А потом я научилась упаковывать это и хранить в дальнем ящике памяти. И пить со мной стало скучно. Я была ровна, в меру весела. И всё. Так что я и не пью особо теперь.

А сейчас я хожу и ем. Вокруг весело и празднично. Ой, полулысый толстячок машет мне и улыбается. Женечка всё-таки его на меня науськала. Опять машет… Сейчас меня начнут с ним знакомить. Толстые обычно добрые. Может, ничего…

Вихрем пронеслось в голове: вот мы с ним обнимаемся (я припадаю к его мягкому тёплому пузу и с трудом подбираюсь к румяному личику), вот наша свадьба, вот… Следующее «вот» не придумывалось.

Пока потенциального кавалера кто-то отвлёк, я заспешила от беседки подальше. Жалко, мало шашлыков взяла. Ну да ладно.

Было тепло, день медленно кончался, вместе с солнцем утекая за горизонт.

За шпалерой обнаружилась славная лавочка. И никого. Отлично…

Мысль, что ткнулась мне в голову по пути от праздничного стола до сюда, окончательно оглупляла мою жизнь. Предыдущую. И настоящую тогда, конечно. Мысль эту я ещё не додумала. А додумаю – и тогда что?..

Я вот много раз размышляла: ну что мешает некоторым людям быть нормальными? Что мешает состояться в жизни – не обязательно как творцу чего-нибудь там, типа композитора или создателя миллиардов денег, а просто так состояться, по-обычному? Просто размножиться – в конце концов?! Почему у меня за всю жизнь не было даже ни одной попытки

этого? Почему я шла на поводу у тех, с кем имела отношения? Все как один они были испуганы перспективой неплановых детей, и я зачем-то берегла их покой, используя все степени защиты от возникновения потомства. Зачем? Раньше мне казалось, что это было от большой любви и уважения к партнёрам. Чтобы их доверие не подорвать. А сейчас и не знаю, что думать. Но ведь у кого-то к моему возрасту уже имеется не по одной семье, растут дети, пусть иногда заброшенные, заведённые по невнимательности или по глупости, но настоящие живые люди, потомки! Что мешает таким, как я, осуществить одну из самых примитивных человеческих функций? Может, мне просто не нужны дети и семья? Но если подумать, так я была бы и не против.

Ведь размножиться-то надо. Раз я человеческая особь определённого пола. На чужих детей не нарадуешься, чужим домом не поживёшь. Всё должно было произойти вовремя. Глупо прожить жизнь, не исполнив такую простую функцию. Это как в компьютерной игре – все данные у персонажа есть, но если он ими не воспользуется, то так и будет ходить по одному и тому же уровню. Вот я как раз так и хожу по жизни. Но что же надо сделать, какой артефакт подобрать, по чему кликнуть?..

И причина-то безрезультатного хождения вот в чём. Вот какая мысль-то мне в голову пришла. Таким людям, как я, наверное, была уготована другая судьба: или воевать где-то, или делать что-то нужное, яркое, трудное. Но скоротечно

так, недолго. Бодрыми молодыми силами, максималистской ещё душой. Сделал это самое дело – и погиб. А таким, как я, временным людям, не удалось найти той самой дороги в жизни, по которой нужно было пойти, чтобы так оно и случилось. Мы случайно выбрали себе другую, чужую – спокойную и простую судьбу. Судьбу, предназначенную для людей основательных, «долгоиграющих». Мы ничего не совершили. Но выжили. А на нас-то не был рассчитан этот лимит, не была выделена «пара» – в виде жены-мужа. И кейс остальных приложений типа успешной карьеры, детей, семейного уклада – тоже не был предусмотрен. Вот такие, как я, – а это и мужчины, и женщины, – и мотаются по жизни. Просто так. Ведь подобные индивиды эмоциональны и деятельны, а потому, из-за своей активности, попросту занимают чужое место – рассчитанное на того самого «долгоиграющего». Мы, часто даже сами этого не подозревая, отбиваем партнёров у тех, кому они действительно предназначены. Своей деятельной душой мы жаждем счастья, боремся за него с жизнью, пытаемся изменить что-то в самих себе, чтобы быть этого счастья достойными. А результат нулевой. Ведь если нам высшими силами ничего не подготовлено, то и стараемся мы вхолостую… И только удивляемся: ну почему так? где же справедливость? разве я плохой человек? разве хуже того, того и вот этого? и почему же тогда я так одинок и неудачлив – а какой-нибудь Зачуха Занюхин женился, родил малыша-малышку, пополнил сберкнижку?…

А вот, оказывается, почему…

И потому-то всё моё бурление по жизни бессмысленно.

Так я сидела и думала. Вот оно как – когда смыслы открываются. Ноги заледенели. И руки. Я как будто перестала их чувствовать.

Получается: или я лежу в беспросветной коме, без чувств и мыслей, или активно живу, ем-пью, работаю, стремлюсь к чему-то – результат всё равно один? Даже от моей благотворительной помощи людям пользы не будет – на эту помощь ведь никто не рассчитывал! Поздно – надо было раньше, в нужном юном возрасте проявлять героизм. А сейчас… Даже если, например, спасая от взрыва стратегически нужный государству мост, я буду держать зубами проводки бомбы, чтобы она не рванула во время прохождения по мосту суперважного поезда, – что-нибудь поменяется, поезд отправят по другому пути, скажем, в объезд, и в моих услугах нуждаться не будут…

Меня, в общем-то получается, как и нету? Из-з а этого нет радости моим родителям – они меня любят и такую, но их грустное ожидание моего счастья тоже превращается в пепел. Чистым разумом простых людей они не могут охватить зияющую бездну моего одиночества. Почему? – наверное, думают они. Что мы сделали не так, если именно наша дочь никому не приглянулась, почему она несчастлива? Пусть бы они жалели, например, меня – глупую мать-одиночку, но любили бы моего ребёнка, своего внука. И была бы эта горькая

любовь радостной, понятной. А так… Стыдно мне перед родителями. Стыдно.

Может, остальные понимали это с самого начала своей жизни. А я – вникла только что. Или я снова ошибаюсь?

Может быть, где-то уже набирают войско из проигравших жизнь? На каком-нибудь полу-том свете? Там, наверно, долго обучают в лагерях и учебных боях, а затем устраивают смотр, некоторых демобилизуют и отправляют доигрывать свою гражданскую жизнь. Если есть такое место, может, мне туда отправиться? Я оттуда сильная вернусь. А вдруг меня там оставят и даже в звании повысят? Тогда вперёд, на войну! Э, нет. С кем мы воевать-то там будем? С людьми, которые в борьбе с житейскими трудностями выиграли себе счастье? Но ведь они тогда и у нас выиграют, раз такие мощные. К тому же наверняка у них имеются резервно-засадные полки из тех, кто ещё бьётся за себя на простом белом свете. И полки эти многочисленные. Так что отменяется война. Не хочу отбивать чужое счастье.

Мысль носилась во мне, кололась внутри черепа, трясла руки, долбила пульс в скоростном режиме.

Смысла не будет.

Как же быть? Нормальные люди советуют в таких случаях честно признать поражение, продолжать жить и спокойно делать своё дело.

А какое у меня дело? Работать? Приносить своей деятельностью доход работодателю и на зарплату, что он платит

мне, поддерживать своё дальнейшее существование? Копить деньги, тратить их на поездки в дальние страны – чтобы мир посмотреть, а также на одежду и косметику – чтоб себя показать? Да, а на что ещё? И этого уже вполне достаточно для осмысленной жизни члена общества потребителей.

Не нравится судьба обывателя – увольняйся, бросай всё и устраивайся в миссию Красного Креста, например, которая ездит по Африке и помогает тамошним несчастным. Ещё не поздно, наверняка возьмут.

Страшно. Придётся оставить мою недорогую съёмную квартиру, бросить работу. А удастся ли после возвращения из Африки найти и квартиру в том же ценовом сегменте, и работу, которая хотя бы так же оплачивалась, как нынешняя, – или все карьерные наработки, а вместе с ними и возможность сносной жизни будут окончательно утеряны? Вот это и называется – страшно. Вот так нас в трусов превращает, как говорится, мысль…

Не страшно было тогда, лет в двадцать. Вот в те годы и нужно было решаться на что-то кардинально-смелое. А теперь…

Я поднялась. Прошлась по дорожке. Жить, чёрт возьми, всё равно хотелось! Хорошо, что у меня не бывает суицидальных мыслей. Но как жить-то? С какой-то такой очевидностью мне стало понятно, что так, как было раньше, я наконец-то больше не могу…

А как могу?

И только устремилась по мозгам какая-то новая мысль – ещё совсем тощая, не обросшая смысловым мясом, как – ну что ты будешь делать! мне навстречу вывернул из боковой аллеи недавний румяный пупсоид. И с мысли сбил.

Радостно подбежал ко мне, вытянув руки. Он со мной-таки познакомился, как, видимо, и планировал. Улизнуть не удалось – вслед за дяденькой по аллее торопилась большая компания. А по бывшему ясному небу неотвратимо двигалась грозовая чёрная туча, несла нам ливень для полного счастья. Cumulonimbus – я даже вспомнила, как такие облака называются. Зачем-то вот знала. Cumulonimbus… Красиво и грозно.

Но дело не в облаках.

Так что скоро я оказалась в доме. Меня усадили в кресло и окружили всё той же задорной компанией. Все пили, ели, смеялись, тормошили меня – к счастью, без особого энтузиазма. Толстячок не оставлял попыток кокетничать, что-то спрашивал, улыбался. Женька сообщила мне, что жена и дочка толстячка где-то отдыхают, поэтому с ним можно смело…

Можно смело взять и послать! Зачем Женька его на меня науськала? Чего хотела добиться?

…– Чтобы ты просто развлеклась! – извиняющимся, но в то же время недовольным голосом сообщила она. – Ну сколько же можно так сидеть?

– Да! Жизнь-то проходит! – вступила Анжелка. Которая

тоже хотела, чтобы я развлекалась с временно одиноким пупсиком.

– Ну просто хоть поговори с ним! – шипела в ухо Женька, добрая мать здешнего семейства. – Он очень любит с умными разговаривать!

– Ну не сиди ты, как пень, правда! – с другой стороны толкала Лариса, мать другого семейства.

Я заметалась. Ситуация была обычная: я капризничала, девчонки меня стыдили и уговаривали.

В конце концов я бы от них отбилась. Как отбивалась много-много раз, потому что все мужчины, которых подруги предлагали, были «не то».

И сейчас, разумеется, было это самое «не то», но Ларисска, Женя и Анжела, видимо, разозлились серьёзно. Оттащив меня от центра веселья, они принялись увещевать.

Я почти не вникала в смысл их слов. Я ведь поняла сегодня про себя всю правду. И потому слушать их было невыносимо.

Видимо, всё. Аллес…

А тут ещё гости так весело смеялись – им что-то рассказывала молоденькая славная девчонка, чувствовала, что к ней приковано внимание, а потому была особенно очаровательна. Интересно, я тоже раньше такая была? А сейчас какая? Какая????!!!!

Люди снова засмеялись.

Жизнь шла. Но как-то без меня.

… – Ты смотри на вещи легко!

– Попробуй просто с ним расслабиться! Просто получи удовольствие. Подумаешь – пузо! С пузатыми, между прочим, очень удобно и мягко. Попробуй! И после этого скажи ему «до свидания».

– Ты же всё-таки нравишься мужчинам. Видишь, как он на тебя таращится…

– Неужели тебе не скучно жить?

– Я бы так не смогла! Я бы чокнулась.

– Попробуй, пообщайся с ним. Тебе что, трудно? А вдруг ты ему так понравишься, что он…

– Да! Свою жену бросит – и на тебе женится! Главное начать – и процесс, сама знаешь, пойдёт…

Подруги хотели, чтобы у меня всё было хорошо. Они старались, как могли. Я мазохистски отнекивалась – уверена, им казалось, что это я нарочно, чтобы побольше пострадать и чтобы они меня пожалели. Но я-то знаю, что не смогу ни так, как предлагает Женька, ни как Анжела! Ни «расслабиться», ни отбить у жены. Да и не хочу. Я хочу по-другому. А – не получается…

Это значит, надо сдаваться. Честно жить себе спокойно без тоски и надежд. Много ведь таких одиноких дам на свете. В монастырях, которые они себе организовали – каждая свой, по месту жительства и работы. И даже радуются этому. И мне тоже так надо.

Спокойно…

Битва за мужчин проиграна. Сдаюсь. О том, проиграна ли битва за карьеру, мы обсудим в следующей программе, а пока…

– Всё, поднимайся, улыбнись…

– Пойдём-ка выпьем…

Голова моя готова была лопнуть. Или душа. Может, лучше бы они и лопнули – ну хоть что-нибудь бы тогда изменилось. Хотя как тогда с ними жить – с лопнувшими?

Наверное, там, на улице, гроза прошла. А может, и нет – но мне захотелось выбежать вон из дома. Даже не просто из дома – а бежать от всех и от самой себя, мчаться, лететь! Как можно быстрее, и подальше, куда подальше! Я дёрнулась к двери. Но рядом с ней стоял приветливый, ни в чём не повинный временно одинокий толстяк, который не соответствовал тому, каким я хотела бы видеть своего мужчину. Стоял, махал мне лапкой и даже зазывно улыбался.

Подруги бдели – а потому рванули за мной. Я, резко сменив направление, от входной двери помчалась в другую сторону. В комнату, в свою славную комнату на самый-самый верх! Там балкон, простор, воздух, наполненный постгрозовым озоном, там здорово! Закроюсь и буду сидеть, дышать, смотреть на лес. Ну не могу больше…

Я скакала по ступенькам. Подруги с воплями мчались за мной. И чем громче они кричали мне какие-то позитивные слова, тем быстрее мне хотелось бежать. Я уже и сама не могла понять, почему так остервенело я от них несусь. Да не от

них я – от себя. Бред, конечно…

Но я не останавливалась. Я плакала, разбрызгивая здоровенные слезищи по стенам. Меня преследовала та правильная жизнь, к которой я так и не смогла пристроиться. Она мчалась, стуча каблуками туфелек и босоножек (Анжелка с Женькой), тяжело, но всё же пружиня кроссовками (молодая мать Лариска была женщина крупная). Мчалась эта самая жизнь, хотела мне что-то доказать. Но ничего я всё равно в ней не соображаю. Подруги зря неслись вслед за мной. И старались они зря.

А я бежала. Вот дверь. Я в комнате. Бамс! Дверь захлопнулась. Щёлк! – кажется, я заперлась на замок. Но нет… Пу-бум! – мои подруженции навалились на дверь втроём. Дохлый декоративный замочек вырвался вместе с шурупами. Дверь распахнулась.

Я бросилась к балкону. Там отличные стеклопакеты, дверь закрывается на стоппер, так что девчонкам её не взять. Там, на балконе, я буду в недосягаемости.

Да что же это такое? Когда же я запомню, что из двери вниз, на саму балконную площадку, ведут ступеньки?! И сейчас они на ремонте: разобраны и прикрыты куском целлофана. Типа тут уголок Италии будет. Пока же надо сначала идти вбок, по узкому бордюру вдоль стены, а затем, наступив на край клумбы, спускаться на сам балкон. Но не ломиться напрямую! Ведь с утра я так и делала. А тут…

В долю секунды подумав об этом, я, не успев остановить

свой бег, прыгнула на мокрый целлофан. Нога моя скользнула. И, с высоты где-то полутора метров (такой была ныне разобранная лестница из восьми ступенек) я всей тушей грохнулась вниз, на каменные плиты широкого балкона…

Удар был такой силы, что, мне показалось, все мои кости поменялись местами. А внутренности или разбились в лепёшку, или… Или это всё, я померла.

Но жить-то по-прежнему зачем-то очень хотелось.

И, несмотря на общую бессмысленность жизни, только что выясненную мной, я поднялась, сделала широкий взмах и, оттолкнувшись от пола, полетела!

Не вниз, я полетела вперёд и вверх! Быть этого не могло никак, но я летела. Летела. Просто летела. Сама, взмахивая руками, вместо которых у меня были – я тут же всё осмотрела – настоящие крылья, причём огромные и сильные. И это была я, а не душа, которая отделилась от тела и устремилась к небесам. Лично я, я – летела чистом свежем воздухе, в безбрежном небе!!! Я это была, я – потому что мёртвые души контактных линз не носят, а у меня в левом глазу сошла с орбиты линза. Я её не потеряла, нет – её загнало куда-то вбок под веко, из-за этого глаз кололо и резало. К тому же, я видела краешек своего носа. А, вытягивая губы в трубочку, могла наблюдать и их. Физиономия, стало быть, моя. Но крылья! Но лапы-то какие когтистые! А там ещё и хвост с мощными перьями. Очень, между прочим, удобный такой хвостяра, мои аэродинамические возможности без него наверняка

были бы хуже. Впрочем, откуда я знаю, может, и нет…

Я оглянулась. Просто оглянулась, чуть склонив голову. Закрыв левый глаз, я тщательно навела резкость правого. Было видно, что на балконе осталась кучка моей одежды. Да. Плюс босоножки. И плюс подруги, которые свешивались с перил, заглядывали за роскошную цветочную клумбу, под столик и кресла. Но никто, никто из них не догадывался искать меня в небе! Интересно, что они думают: что я убежала, спрыгнув с балкона? Нет – наверно, раз меня в виде лепёшки они не обнаружили внизу (а там меня и быть не могло), Женя, Лариска и Анжела могли решить, что я полезла по водосточной трубе. Но почему тогда разделась? Об этом, наверно, спрашивала всех Женька, потряхивая моими джинсами, бельём и майкой. Думают, что я сошла с ума. И исчезла. Думают-гадают, ничего не понимают.

Да и я, собственно, тоже…

Ха, одежда осталась там, а заколка, линзы и серьги на мне. Странненько…

Что случилось?

Так, не тот вопрос. Главное – лечу!

Ощущение глобального счастья не исчезало. Оно, я это чувствовала, усиливалось с каждым взмахом крыльев, с каждым метром высоты, что я набирала. Оно росло в моей душе, оно было воздухом, которым я дышала и который рывками обдавал мне лицо. Счастье, счастье-е-е! Меня даже подташнивало от восторга.

Я летела над лесом. Даже с этой высоты – а я набрала уже метров сто пятьдесят, не меньше, деревья были видны каждое по отдельности – от вершины до самого места, которым они воткнуты в землю. В смысле, чем они из неё растут. Значит, это, наверное, не очень густой лес. Или они обычно всегда такие?

А вообще, это было неважно. Я летела! Сама, одна. Летела всем телом, летела, прилагая настоящие мышечные усилия – и легко мне так летелось, здорово! Это была не эйфория даже, а что-то ещё большее. Такого счастья – АБСОЛЮТНОГО, лучше не скажешь, я не испытывала никогда!!! В безоблачном небе светило солнце, блестели листья, промытые ливнем, мерцал нереально зелёный луг. Нет, поле – это что-то там на нём только что взошло, может, трава на корм скоту, а может, какой-нибудь злак. И не было у меня никаких проблем, никаких неудач. Я о них попыталась подумать. Но не смогла. Как замкнуло что-то в голове. Всё было просто чудесно. Спасибо тебе, Господи! – радостно думала я, как можно шире и мощнее взмахивая крыльями и направляясь в небо почти вертикально. И это тоже было чудесно! Трудно – так, что напрягалось всё тело, до самой последней жилочки. Но летело, тело летело!

Счастье не покидало меня. Случись со мной что-нибудь другое – я бы обязательно обдумала всё, что теперь меня ждёт: что плохого и что хорошего. Может быть, пожалела бы о том, что случилось именно так, а не как-нибудь ещё. Но

такого подарка, такого волшебства я не ожидала… Нет, не волшебства… Тогда чего – чудесного вознаграждения? За что меня наградили? И почему именно меня? Я лучшая из человечества – если мечта подняться в небо осуществилась именно на моём примере? Поэтому у меня не было карьерного успеха и семейного счастья?

Да ну, какая же я лучшая из человечества! Может, все люди сейчас тоже летают? Или в кого-нибудь другого превратились? В хомячков, овец и леопардов?

Снижаясь, я внимательно смотрела вниз. Видела блестевшие светлым металлом крыши большого, размазанного по земле дачного посёлка, увидела какую-то вышку, трассу, лес-лес-лес, ещё скопище блистающих крыш. Люди малюсенькими точками передвигались возле строений. Или это не люди? А кто, многочисленные собаки, что ли? Я снизилась ещё, чтобы наверняка рассмотреть. Люди, конечно.

Я вновь стала набирать высоту. Ой – вижу железную дорогу! Поезд мчится. Как игрушечный. Далеко, но явно быстро. Не сам же по себе – машинист этот поезд вёл! И наверняка в человеческом облике, вряд ли в виде баклана или страуса можно управлять поездом.

Линза в левом глазу – та, что так и не встала на своё место после моего чудесного превращения, всё больше меня мучила. Она давила на глазное яблоко – там, глубоко под веком. Так что смотрела я на мир одним глазом, прищуривая левого страдальца. И это был единственный дискомфорт – всё же

остальное моё существо чувствовало себя прекрасно!

В совершеннейшем упоении я летела вдоль железной дороги, а, дождавшись электрички, бросилась с нею наперегонки. Длинная зелёная колбаса быстро разогналась и оставила меня далеко позади. Правда, не сразу. Я мчалась изо всех сил и минут пять шла вровень с её головным вагоном. Интересно, сколько километров в час у неё скорость? И сколько тогда у меня?

Я летала до темноты, летала в темноте. Медленно гас закат, вставали на дежурство звёзды, выплыла луна – почти целая. Такой хороший небесный фонарь.

Теперь стало понятно, где Москва, до этого я всё никак не могла определить её, принимая за Москву небольшие городки и посёлки, пролететь над которыми удавалось не более чем за три-пять минут. Вон она – где над горизонтом встало розово-жёлтое марево. Это горели там, в безумной и славной столице, огни реклам, иллюминация и то, из-за чего над большим городом ночью всегда такое сияние. Москва существовала, до неё можно было долететь. А значит – мир продолжал стоять на месте.

Сколько, оказывается, лесов в области. Я парила над чем-то сплошь чёрным, без единого огонька. Значит, над лесом, это точно. Да, я всегда боялась плавать в тёмной ночной воде – потому что неизвестно, какая бяка там может притаиться. А тёмное ночное небо не пугало – оно радовало. Да и вообще

– радость моя не проходила даже ночью. Мне было хорошо. Мне было прекрасно.

О! А почему бы не попробовать выполнить какую-нибудь фигуру сложного пилотажа? Интересно, можно ли мне перевернуться в воздухе и сделать что-то типа «бочки»? В смысле – получится ли это у меня?

Я набрала высоту побольше, раз – и через левое плечо перекрутилась вокруг себя. Почти получилось! Да, почти – потому что я не смогла вернуться в исходное положение, както завалилась на бок, поджала крыло, на сторону которого скручивалась. И стала терять высоту. Хоп! Да я падаю! Да – лечу вниз. Камнем. Етишкин-тришкин, что ж крылья-то я к себе прижимаю, надо их раскрыть, повернуться как-то и поймать воздух! Но всё происходит так быстро…

Э-э, как всё местами-то поменялось! Как будто у меня перед глазами та самая тёмная вода, ну надо же! Вода, а в ней рассыпаны отражающие лунный свет яркие стразики. А вот и луна – сама упала в воду и сама оттуда сияет. Красиво.

Ох, да это не луна упала, это я сейчас навернусь! Что делать? Что же я всё падаю?!

Нет уж. Надо попытаться перевернуться. Ещё, ещё попытаться. Крылья. Крылья, ну, давайте! Ну, вы же руки, бывшие руки, вы всё можете. Вперёд! В смысле – в стороны. Ну!

Я бросила тело вбок ещё раз, резко развернула одно крыло. Звёзды на дне неба пропали из зоны видимости. Зато появилось шоссе – ого, как оно стремительно несётся мне на-

встречу!

Эх, как же больно – но крылья, побеждая скорость падения и сопротивление воздуха, раскрылись. Есть! Крыло поймало воздух, второе тоже. Правда, в спине так дёрнуло, как будто кто-то хотел руки (ну, в смысле, теперь уже не руки) вырвать из суставов. Но взмахнуть ими удалось. Вытолкать, ещё вытолкать, ещё и ещё – воздух под себя. Ой, кажется, всё – я снова лечу параллельно земле… Параллельно шоссе.

Да уж, не хватало ещё прямо вот так сразу устроить себе собственную авиакатастрофу…

Ха, а я даже и не вспотела… Но испугалась…

Не буду во время ночных вылетов заниматься пилотажем!

И всё-таки: неужели это происходит на самом деле?..

А глаз с не вставшей на место линзой хотелось почесать. Просто смертельно хотелось. Но нечем – это я прекрасно понимала. Я летала по кругу и осатанело моргала, вращала глазами, надеясь поставить линзу на место, с безумным выражением лица вылупала их, чтобы поймать в них воздуха и прослезиться. Может, со слезой вместе линза скользнёт на нужное место? Ведь так уже бывало.

Но вместо этого сошла с рельсов линза и на правом глазу. И мир стал мутным…

Видно мне теперь было в основном только яркую стрелу, разрезающую тьму подо мной – шоссе. Да. И ещё луна мне была видна, если чуть голову приподнять. Жёлтая, большая

– гораздо больше, чем тогда, когда я её видела вооружённым линзой глазом, расплывчатая такая.

Но луна мне помочь ничем не могла. Да и все остальные тоже. Спускаться на землю и искать людей, чтобы они поковырялись в моих глазах и поставили линзы на место, почему-то не хотелось. Было даже страшно. Ну, не страшно, а не по себе, боязно как-то. Потому что, наверное, я не знала, с людьми я теперь или нет. Друг я им или существо не из их системы координат.

Нет, вру. Мне просто к ним не хотелось. Хоть ничего плохого люди мне, в сущности, и не сделали. Хотелось летать. Только летать. Усталости я не чувствовала. Правда, вот глазищи…

И я полетела туда, куда они глядят. То есть, вообще непонятно куда полетела. Куда-то прямо, стараясь не снижаться, чтобы ни во что не врезаться.

Так я и летела. Не знаю, прямо ли, или по кривой. Куда-то. От страдающих глаз болела голова, я сжимала брови, яростно морщила кожу на лбу, даже с рычанием оскаливалась – но больше никак себе помочь не могла. Тупо летела. И всё.

Не скоро, но наконец-то небо стало сереть. Сереть, бледнеть, розоветь, желтеть. Вставало солнце. Это я хорошо поняла. Описав в небе большой круг, я, как смогла, осмотрелась. Ага, Москва продолжала чуть заметно сиять у горизонта. Или это была уже не Москва, а какой-то другой город? Нет, я решила, что всё-таки Москва – ну не могла же я

так далеко залететь и под собой не заметить огни какого-нибудь большого города? Не совсем же я слепень? Так, если смотреть на Москву, то солнце встаёт от неё справа. Ясно. Москва, выходит, на севере, раз солнце на востоке. Понятненько.

Всё, надо искать себе аэродром и приземляться. Глаза уже нестерпимо ныли и чуть ли не вываливались, я напрягала их, приглядываясь к тому, что находится там, на земле. Ну вот как посадить самолёт при отсутствии видимости? В смысле – как мне приземлиться, если ничего не видно?

Лес, всё лес и лес. Я медленно снижалась над ним: кто знает, сколько там, между мной и макушками деревьев – метр или пятнадцать? Штурман-слепняк не может дать убедительного ответа…

Да что ж этот лес всё никак не прекратится? Кстати, интересно, а какой длины мне нужна взлётно-посадочная полоса?

О, вроде, наконец-то кончились деревья! Пошло что-то светлое, зелёно-рыженькое. Надеюсь, поле или луг. Всё, сажусь. И буду чесать глаза – хоть об дерево, хоть ногой, если дотянусь! Как же без рук всё-таки плохо!

О-о-ой, опа. Земля. Сели. Очень даже просто! Раз – и аккуратненько приземлились. И посадочная полоса почти никакая не понадобилась. А ну-ка, если снова подняться? Запросто. Толчок ногами, два взмаха – и я в воздухе. Отлично! У меня есть функция вертикального взлёта!!! И посадки!

Я снова приземлилась. Довольно косолапо (с непривычки,

конечно), приподняв крылья, прошлась по земле. Это был какой-то лужок. Интересно, в округе есть люди, видит меня кто-нибудь? Вроде, сейчас пять-шесть утра. Что обычно в это время делают колхозники? И есть ли они здесь? Да и вообще – существуют ли сейчас колхозы?

Глаза. Я сейчас чокнусь… Как же вернуть на место проклятые линзы?.. Не проклятые, не проклятые, хорошие! Только бы вернуть!..

Я подняла ногу. Ого, какие пальчики! Да, когтем, который только что втыкался в землю, в глаз лезть нельзя. И помыть негде. Будем пытаться обойтись так… Согнув пальцы своей мощной лапы, я наклонилась как можно ниже. И костяшками этих самых пальцев попробовала дотянуться до глаза. Но не удержала равновесие и упала.

Ничего, поднялась, упёрлась в землю крыльями, снова нагнулась. Есть! Достала до глаза. Но как-то так неосторожно, а потому больно ткнула в него. Силы не рассчитала. Ничего. Повторим. Дальше стала тыкать тихонечко.

Супер! Линза встала на место!

С левой линзой, которая сошла с курса ещё днём, я возилась дольше. Глаз замучила окончательно. Он опух и гноился. Постарайся, глазенька, выздоровей, пожалуйста!

И он постарался – когда я ткнула в него суставом и безжалостно завращала глазами, линза скользнула на место.

Я закрыла оба глаза, долго сидела без движения, терпела. Наверное, много времени прошло. Открыла, огляделась.

О! Замечательно – неподалёку на разбитой дороге оказалась налитая всё тем же вчерашним ливнем лужа, мелкая, но довольно широкая. Вот в неё-то вместо зеркала я сейчас и посмотрюсь!

Посмотрелась. Ну, теперь мне всё было понятно. Предварительная версия подтвердилась. Отражение в воде и общий осмотр дали убедительное заключение: я – птица. Очень большая птица. В перьях. Правда, голова, шея и часть груди остались человеческие. Почему?.. Так, а морщины? Интересно, на лице есть морщины? Сколько я ни приглядывалась, не поняла – нужно зеркало, вода хитрит. Стоп, такое впечатление, что форма груди стала лучше! Или это узорные перья так всё славно маскируют? А перья замечательные: тёмно-коричневые по центру и краям крыльев, а те, что по грудке и хвосту, с узорными полосами – бело-голубыми с мелкими алыми точечками. Хвост. Да, хвост. Из-за него сидеть на земле было неудобно. Мешал. Зато хорошо – моей толстой попы, которая активно отказывалась худеть, теперь не было. Даже недостаточно худые бёдра мои, которыми я была очень недовольна, теперь были в пропорции, по сравнению со всем остальным телом совсем скромненькие, в мелких нежных пёрышках, приятненькие.

Надо же – я сама себе нравлюсь! Вся! Нет, а лицо?..

Долго, очень долго я себя осматривала – и глядя в воду, и поворачиваясь в разные стороны, расправляя крылья, вытягивая лапы и шею. Вот ведь, а? Интересно, интересно…

И это – я.

Куда всё время исчезает мысль о том, что надо проанализировать всё это или хотя бы задаться вопросом: а что со мной случилось? А правда ли происходящее? А не сошла ли я совершенно с ума? Вот беда – появится эта мысль, да и проваливается куда-то в недра сознания. И я чищу себе перья – как так и надо. И мне хорошо, и мне спокойно. Чудеса.

Я ещё раз оглядела всю себя. Помахала хвостом, стукнула им по воде, отчего по ней пошли волны, а с перьев, как с гуся, вода быстренько скапала обратно в лужу. Я подняла хвост, как смогла, заглянула под него. Странно. Во всём теле не обнаружилось никаких отверстий для исходящей корреспонденции, ни спереди, ни сзади. Только для входящей – в смысле уши, рот и нос. Да, и за это время ничего выдать из организма мне не захотелось. Как, впрочем, и принять чего-нибудь – поесть там, попить. Так что, будет всегда? Кто я?! Что не дух бестелесный, это явно – о-го-го какое тело. Но что ж – совсем это тело кормить не надо?

Ага, вот она, тревожная мысль, снова проклюнулась. Но на вопрос о том, кто же я, мне себе ответить было нечего. «А, не знаю!» – беспечно и довольно громко сказала я. Голос, кстати, тоже остался мой. И, подмигнув своему отражению в луже, я взмахнула крыльями и взмыла в небо.

О, это непередаваемое ощущение – всего лишь короткий миг взлёта, когда взмахивают крылья и тело отрывается от земли: ах! сладкая пустота – а затем абсолютная радостная

уверенность, что только так и должно быть всегда…

Я снова летела, вперёд и вверх, вперёд и вверх! Эксельсиор! Эксельсиор![1] – кричала я с боевым воодушевлением. И этот странный стих – про молодого перфекциониста, который непременно хотел добраться до вершины горы, я, вслух и с удовольствием вопила в небесный простор:

Тропой альпийской в снег и мрак
Шёл юноша, державший стяг.
И стяг в ночи сиял, как днём,
И странный был девиз на нём:
Excelsior!
Горели в окнах огоньки,
К уюту звали очаги,
Но льды под небом видел он,
И вновь звучало, словно стон:
Excelsior![2]

Ух, какие слова! Парень шёл со своим флагом вверх и вверх, и была ему по хрену метель, не волновала ненужность этой операции. Наверх, как можно выше ему хотелось – и мне тоже! И меня не сбивало с пафоса, что «труп, навеки вмёрзший в лёд, нашла собака через год». Мой не найдут. Да и ничего со мной плохого не случится – не собираюсь я быть

[1] Вперёд и вверх! – дословно: возвышенное, (*лат.*) Ставший распространённым романтический девиз.

[2] Из стихотворения Г. У. Лонгфелло «Excelsior!» (*пер. В. Левина*).

трупом в ближайшие лет сто! С такими-то возможностями! Да! А потому я с упоением продекламировала миру:

А с неба, в мир камней и льда
Неслось, как падает звезда:
Excelsior!

Крылья мои, такие сильные и могучие – размах примерно метра три – с каждым взмахом прокачивают несколько кубометров воздуха и несут, несут по небу меня, бывшую неудачницу! Спасибо тысячу миллионов раз тому, кто всё это придумал! А я ещё расстраивалась, что у меня не задалась жизнь моя бессмысленная. Вот почему не задалась – потому что появилось вот это! Потому что, значит, так и должно было быть!

Ныла-ныла, и донылась! А говорят, что нытикам не везёт. Мне повезло! Повезло-о-о-о! Примерно так я кричала, набирая скорость и высоту. Двигалось, принимая участие в полёте, всё тело. Трудилась каждая мышечка. В моей конструкции не было ничего лишнего! Даже уши, даже когти – тоже работали на победу. И мы летели, летели, летели! Выше! Быстрее!

Некомандно растрепались волосы – заколка-крабик съехала и держалась на трёх волосинках. Сейчас упадёт. Кто мне волосы снова заколет? Ногой причесаться не удастся, это точно. А, ладно, буду летать лохматой…

Я не устала ни чуточки. Но посмотрела вниз – оп! Вот

это да, вот это забралась! Наверное, на этой высоте проходят авиалайнеры. Интересно, меня заметили ПВО, или я для них просто птица?

В двух линзах виделось гораздо лучше. Глаза, правда, нещадно слезились. Но это даже к лучшему – они омывались слезами, и линзы не так их тёрли. Обычно больше двенадцати часов я линз не носила – глаза от них уставали, выпучивались, и лицо моё приобретало несчастно-очумелое выражение. Но тут уж ничего не поделать. Придётся линзы терпеть – а странного выражения лица всё равно никто не видит.

Ой, да вон, кажется, Москва! С такой высоты очень далеко видно. Она, она – белеется и блестит вдалеке, за зелёными плитками лесов, за квадратами полей, перерезанными дорогами, за шлепками населённых пунктов. Какая-то вялая дымка чуть колыхалась над ней. Это первое сентября там празднуют. Хотя какая связь? Да никакой, просто сегодня первый день осени, первое сентября.

Я птица. Я просто птица. Я высоко. До меня никому нет дела.

И, поднявшись ещё повыше, я полетела смотреть Москву.

Не то что прохладненько, а очень даже холодно тут было. Чуть ли не минусовая температура, так мне показалось. И ветер, ветер гораздо сильнее, так что далеко не сразу я научилась с ним ладить. Вернее, ещё совсем плохо это дело освоила.

Я шла на высоте, мне кажется, тысячи с половиной метров. Москва была похожа на карту самой себя, очень даже ничего такая Москва. Но мне, признаться, оказалось не до неё. Даже дышать было трудно. И я устала. Наверное, от холода. С этим надо было что-то делать. А мне ещё казалось, что я киборг, и потому мне всё нипочём! Это радовало. В смысле, хорошо, что не киборг…

Но Кремль-то я всё равно увидела. Ишь, какой, как всё аккуратненько. Почти треугольником расположен. Нет, я уверена, что когда его строили, наверняка кто-то поднимался в воздух и координировал проект с высоты птичьего полёта. Иначе как ещё всё так ровно и гармонично могло получиться? Снизу-то так не увидишь – стены и стены, лепи их куда хочешь. Хотя высота птичьего полёта гораздо ниже, и какой пёс меня сюда занёс!.. А снижаться… Нет, не буду. Я объект странный. Хотя если меня зенитчики не сбили, то что это значит? Я ж в их оптику прекрасно должна быть видна. Не обращали внимания? Ну, не будем их дразнить.

Представляю: сбивают меня эти самые зенитки – и на Москву, куда-нибудь посреди толпы гуляющих у Манежа, шмякаются останки весьма странной тушки. Или на мельчайшие клочки меня разнесёт зенитным снарядом? Хорошие мысли, жизнеутверждающие…

Даже после того, как я пересекла МКАД, высота моего полёта не менялась. Сейчас я была где-то на северо-востоке Московской области, если судить по тому, что прилетела я с

юго-запада. Всё, снижаться, а то я в мороженую курицу превращусь.

Теплее становилось очень постепенно. Как же тут всё застроено – вроде лес, и тут же дома понатыканы! Но мне надо выбрать район поглуше.

Я снова летела почти над самыми макушками деревьев. День снова клонился к вечеру – солнце, я видела, уже подошло к закату. Только изредка его было видно среди туч, которые набежали и устроились над Москвой уже после обеда, когда прошли в школах торжественные линейки.

Ну, вот тут и можно. Среди леса полянка. Не раздумывая, из последних уже сил я заложила лихой вертикальный вираж и опустилась туда. Вот это устал летучий голодранец!

Надо отдохнуть хорошенько…

Среди деревьев было сумрачно. Мелкий дождь сыпанул с неба. Лучше спрятаться. Надо сесть на дерево – выбрать сук потолще, чтобы меня выдержал. О, дубы растут! Эскадрилья, поворот.

И я отлично устроилась. Вот сижу я на дубу. Его листья чуть тронуты желтизной, пробиты дырчатой болезнью. Но всё равно он о-го-го какой дубище, высокий, раскидистый, потому что, видимо, у края леса растёт, никто этот дуб не теснит. Но куст ореха его загораживает – так что со стороны полянки меня, я думаю, не видно.

Ну и хорошо.

Надо поспать. Спать – в отличии от «есть», мне хоте-

лось. Устала, устала… Сидеть на дубу было удобно. Удобно… Хвост свесился вниз, лапы крепко обхватили сук. Крылья, такие мягкие и славные, аккуратно сложились, так что целиком закрыли туловище. По листикам тихо постукивали мелкие капли, а мне было хорошо, тепло. Я сунула нос в свои мягкие перья. Надо же – они пахли смесью ладана и туалетной воды Oxygene LANVIN. Я снова развернула крылья и обнюхала себя всю. А что – хочу и нюхаю. Надо же! Птицы не потеют. Воистину, птицы – дивные создания, они даже пахнут чудом!

Я снова сложила крылья. Как грациозно у меня получилось! Балет. Просто озёрный лебедь. А в жизни я чувствовала себя пухло-неуклюжей. Здорово, когда что-то меняется!

Интересно, а не упаду я ночью с ветки? Хоть лапы у меня как у тигра, когти в дерево вцепились – не отдерёшь, но вдруг я расслаблюсь, и они разожмутся?

Но об этом я думала уже еле-еле. Тёплый сон под собственным крылом оказался прекрасным. Да, я спала, и понимала, что сплю. Я спала, сладко и спокойно спала, и всё моё существо было этим счастливо. Лапы без всяких моих волевых усилий как так и надо держались за сук. Что мне снилось? Гармония, наверное! Так мне было хорошо. И я осознавала это.

Разбудили меня птицы. Мне казалось, что к осени абсолютно все птицы в лесу замолкают, а эти, выходит, считают

иначе. В воздухе было ещё совсем бледно. Птицы переговаривались – и проснулась я, видимо, в тот момент, когда их хор разошёлся на всю катушку. Я ведь с детства очень любила птиц, это Божье чудо. А теперь вот сама пополнила их ряды.

По тонкой ветке совсем рядом со мной ветке прыгал, кажется, воробей. Милый такой деловитый воробьишко. В лесу живут воробьи? Или это ещё кто-то серенький. Я сощурилась.

Линзы. Ох, эти линзы. Их давно пора было снимать. Глаза, в которые, казалось, сыпанули песка – ещё не самого больного, а мелкого, который запаивают в песочные часы, ныли и мучились. Что же с ними делать?

Осторожно оттолкнувшись от ветки, нырнув между листьями и расправив на просторе крылья, я опустилась на поляну. Хлопнулась пятками (или у меня между пальцами не пятки?). Хе, за ночь маленько разучилась летать. Нет, приземляться. Ничего. Сейчас потренируемся. Вот оно – небо! Сначала туда, потом оттуда.

Небо было серым – то ли одна сплошная туча, то ли просто оно ещё не успело принять устойчивый цвет. Раннее утро всё-таки.

У-у, да я удачно попала! Это что там такое? Колодец! И к нему тропинки с двух сторон ведут. Видимо, или святой источник, или просто родник – раз его заборчиком огородили и крышу устроили.

С трудом впихнувшись под эту крышу, я наклонила голову к воде. Ну и лохмата, подруга! Склонившись ещё ниже, я достала до тёмной поверхности и попила, громко схлёбывая и втягивая в себя воду. Ага, всё-таки пить могу и хочу. Интересно, куда я дену отходы переработки этой воды? Ерунда – решим проблему по мере её поступления.

Продолжая сидеть на краю колодца, я, не отрываясь, смотрела в воду. А может, окунуть сейчас голову, выпучить глаза, помотаться туда-сюда – и линзы выскочат? Как станет легко глазам! О-о, я представила себе это блаженство и чуть в колодец не рухнула…

Но что я тогда без линз увижу? Наткнусь на первую же ветку, и прощай, зеница ока. Буду одноглазый коршун.

Ой, надо терпеть…

Так, а если…

И как эта мысль раньше не пришла мне в голову?! Подруги-то меня, наверное, в розыск объявили? К ним надо! К Женьке в её дом! Она мне и линзы вытащит, и убедится, что со мной всё хорошо. Не то что хорошо – со мной отлично!

С этой замечательной мыслью я выбралась из-под крыши колодца, перелетела на скамеечку, врытую в землю. И стала думать. Даже про глаза забыла. Да, мысль хорошая. Надо вернуться в юго-западную часть Подмосковья, отыскать Женькин дом. А дальше просто. Чтобы не пугать народ, я осторожно подлечу к окну, лучше первого этажа, и, когда поблизости не будет наблюдателей, постучусь в стекло. Лбом

постучусь, больше ничем не получится. Пусть сначала Женька увидит только мою голову – чтобы не очуметь сразу. Я её подготовлю – скажу, чтобы пришла туда же, откуда я стартовала, на балкон. Она человек уравновешенный. Вынет мне линзы, глаза отдохнут. Я посплю у неё где-нибудь на жёрдочке. Она мне линзы снова поставит. И я улечу себе на все четыре стороны.

План был замечательный. Я даже не боялась того, что не найду их посёлок и дом. Найду! Не сразу, конечно, но найду. Было бы проще, конечно, если бы мой полёт координировали какие-нибудь наземные службы, сообщали, какой населённый пункт я пролетаю. Или хотя бы их названия на земле большими буквами были написаны, чтобы с воздуха можно было заметить и знать, что там под тобой. Типа: ПОДОЛЬСК, БЕЛОУСОВО. Карту области я очень приблизительно, но помнила.

Но не пишут ничего на крышах домов и в полях – так что полечу, как сумею. Мне кажется, я сейчас где-то между Королёвом и Балашихой. Можно Москву – от греха подальше, обогнуть, не ломиться через центр. Пусть дольше получится, зато, может, надёжнее и безопаснее.

Так. Если на юг лететь, то солнце должно быть пока слева. Сейчас утро. Потом прямо, потом справа – оно ж движется с востока на запад. Да, так и будем ориентироваться.

Ну надо же, как я уверена! А раньше… Эх, да что раньше. Раньше я утопла бы в противоречиях, потому что так была не

уверена в себе, что убедить меня можно было в чём угодно и кому угодно.

Хорошенько разбежавшись – просто так, для задора, я устремилась в небо и полетела над лесом. Не сомневаясь ни в чём. Красота!

На высоте метров семисот я попала в кудрявые серо-белые тучки. Слоисто-кучевые, stratocumulus, – так они, кажется, называются у метеорологов, предсказателей погоды. Кто не мечтал покувыркаться в них, проверить – правда ли облака бесплотные, или всё-таки можно обнять их, потрогать, а то и усесться сверху? Я накувыркалась всласть – внутри облачка оказались невидимыми и просто влажными – на лице остались мельчайшие капельки, волосы окончательно свисли сосульками и прилипли к голове. Я подныривала под тучки, пыталась разорвать их крылом, лечь сверху, как на перину. Это было так забавно – я смеялась, пыталась хватать ртом, кусать их; облачка, конечно же, не давались, затуманивая обзор и исчезая.

Все мечты исполнялись. И всё-таки – неужели это я, которая сутки назад гнусила о том, что мне надо было где-то там вовремя помереть: то ли на строительстве моста, то ли на его разминировании, уже не помню. Какое – помереть, пусть даже и героически! Я жить хочу. Жить, чтобы летать! Да, вот так вот – и прощайте все мои печали!

Казалось, на большой высоте расстояния преодолеваются

быстрее. Физику я в школе изучала плохо, поэтому мои знания не подкреплялись ничем. Казалось мне так – и всё. Может, на самом деле всё по-другому. Но теперь это был мой мир, а значит, и системы измерений мои тоже. Кроме меня, никого они не касались. Так что…

Плохо, что ничем особенным края, где стоял дом Женьки, не отличались. Ни башней какой-нибудь необыкновенной, ни заводом. Церковь там была, но что церковь – их много мне попадалось. Празднично блестели золотом кресты и купола. Как отличить, что это именно их церковь, а не какая другая? Если бы я туда часто ходила, я бы запомнила особые приметы. А так даже цвета какого она – точно вспомнить не могу. Река – точно! Была небольшая речушка. Но их тоже везде полно… Ух…

Я летела и размышляла. Порывы ветра мешали двигаться прямо, относило меня куда-то. Но я старалась ориентироваться по солнцу, а потому если меня и сносило, то я не тревожилась. Найду – почему-то была у меня упорная уверенность. Примерно через час я сменила направление – после того, как пересекла какой-то оживлённый тракт, то ли Варшавское шоссе, то ли Калужское, а может, уже и саму Киевку. Где-то с неё был поворот на Женькин посёлок. Я сильно забрала вправо. Буду думать, что теперь лечу на запад.

Предположим, крейсерская скорость электрички восемьдесят километров в час. Средняя, наверно, шестьдесят. Я с ней недолго смогла соревноваться, но и не совсем уж сра-

зу она меня обогнала. Сколько там мы с ней вровень шли? Будем считать, что моя скорость на спринтерской дистанции – тридцать километров в час. Если лететь так четыре часа подряд, можно пролететь сто двадцать километров. Если медленнее, то, соответственно, километров семьдесят. Где-то примерно столько мне и надо. Наверное. Ну что ж, три часа, мне кажется, я уже в пути точно…

А у машины средняя скорость сколько? Да пёс с ней, с машиной. А у лошади? Вроде, тоже тридцать пять-сорок. Ничего-то я ценного и не знаю, оказывается! Вот что надо было изучать! Могла бы догадаться, что мне в жизни пригодится. А то занималась непонятно чем, крыса канцелярская. Как же хорошо, что я теперь не крыса!

Я не крыса!

В восторге я совершила ещё одну фигуру пилотажа – взмыла вверх, перевернулась вниз головой, нырнула, снова вверх – есть! Вернулась в нормальное положение. Да! Я сделала «петлю». Получилось! Наверное, это очень красиво смотрелось. Получилась у меня и «горка» – снова вверх и резко вниз, точно съезжая по чему-то скользкому. Эта удача в небе наполнила моё и без того счастливое существо глобальным счастьем! К нему, к этому счастью, нельзя было привыкнуть, как бы там ни говорили, что с хорошему быстро привыкают! Для меня раньше привычным было состояние недовольства собой. А тут, а тут…

Я сделала ещё «горку», ещё и ещё, встала на крыло и дол-

го так планировала. Мои тело и мозг дружили, я не стеснялась, не страдала от неудач, не ругала себя, как это было всю жизнь. Хотелось отработать и другие фигуры – что там ещё бывает? Днём оказалось это делать проще – всё видно, ориентироваться легко. Хотя, я, вроде, слышала, что настоящие лётчики так чувствуют свой самолёт, что им всё равно, как крутятся перед глазами земля и небо, так что в ориентирах они не нуждаются. Но это: 1) лётчик и 2) самолёт, а я – два в одном! По чему хочу, по тому и ориентируюсь.

Я только собралась попробовать выполнить «штопорную петлю» и вспоминала, как же она делается и видела ли я это в каком-нибудь кино, как вдруг заметила, что сильно снизилась из-за своих трюков и летела над широким полем на высоте метров пятидесяти, не больше. Поднимемся.

Ого! Машина. Бодрый джип со снятым верхом мчится по дороге.

– Кондор! – да, я услышала, как крикнул один из тех, кто сидел в машине.

– Кондор! – повторил другой. Который с охотничьим ружьём.

Они показывали на меня и ехали по полю – без всякой дороги, прямо за мной.

«Дотянем до леса, – решили друзья», – несмешно подумала я. И, поспешно набирая высоту, рванула к лесу.

До леса было далеко, километра два, не меньше. Вон он, этот лес, виднеется.

Джип не отставал.

Сердце – у меня, значит, было сердце. И оно бешено заколотилось. А, впрочем, почему бы сердцу у меня не быть? Не киборг же я в самом деле! Но что, неужели эти охотники будут сейчас меня убивать?

Видимо, да – и с большим удовольствием. Потому что бах! – раздался выстрел. Пули я не видела, но в-з-з-з! – она пронеслась где-то рядом.

– Давай, давай! – кричали снизу.

Я оглянулась. Оба мужика подняли ружья. Только водитель яростно рулил. Машина подскакивала на кочках. Может, не попадут при такой тряске…

Бах! Бах!

Лес, над ним они меня не достанут. Давай, милый, подтягивайся ко мне! Ну же! Пожалуйста, лес!

Я махала крыльями изо всех своих сил. Я обогнала машину. Я оторвалась. Я уходила!

Бах! Бах!

Одна пуля пронеслась рядом, я даже щекой почувствовала, как она нагрела воздух. Но ой… Прожгло ужасной болью ногу, бок. И крыло. Всё правое.

Попали.

Лес…

Оторвалась ведь.

Но поздно.

Верхушки деревьев мчались навстречу. А крыло не слу-

шалось. Плечо перестало разгибаться. Я махала только одним своим крылышком. И падала. Сейчас я шмякнусь на деревья – выколю, как и планировала, глаза, покалечу всё остальное…

Да никакой это не лес – потому что он хоп! Кончился. Так, лесопосадка какая-то. За ней тут же начались длинные серые строения, огороженное жердями грязное месиво. Не хочу падать в месиво! Ишь, я ещё и раздумываю, эстетка… Отчаянно взмахнув крыльями, я всё-таки перелетела через зону грязи. И с ещё большего размаху, чем тогда, на балконе, – всё-таки с неба сейчас падала, не со ступенек, врезалась в землю. Я ударилась именно всей повреждённой правой частью – плечом, боком, ногой. И головой. Так что она тоже вышла из строя. И наступил мрак.

… – Вы меня слышите? Слышите?

Да, я это слышала.

– Слышу. – сказала я.

И открыла глаза. Какой-то парнишка лет семнадцати склонился надо мной. Я по-прежнему лежала на правой стороне своего раненого тела. Память мне совершенно не отшибло.

Меня перевернули на спину. Я собралась закрыться крыльями, ну, или хотя бы только левым. Но ой… Вместо этого я прижала к груди… свою обычную руку. Совершенно голую. Впрочем, голым оказалось и всё остальное.

Когда был бред? Тогда? Сейчас? Меня не сняли с неба метким выстрелом? А что тогда со мной случилось? Почему болят бок, нога и рука – и на траве такая кровища?

Ничего не понимаю.

– Вы откуда? Вас надо в дом?

– Да!

Я даже не помню, как и куда парнишка волок голую тётку (то есть меня). Глаза мои то открывались, то закрывались, я гримасничала, чтобы не орать. И в результате оказалась на каком-то лежаке. Прибежал парнишка и, активно отводя взгляд, накрыл моё тело белым халатом.

Подтащив табуретку, уселся рядом.

– Что надо делать? Вы скажите…

– Ты хочешь мне помогать? – не знаю, зачем я это говорила.

Мой мозг, как и тело, жгло. Кажется, началась температура. Шевелить всем тем, что болело, было невозможно. А на белом халате в районе ран выступила кровь.

– Да! Что надо сделать? – я ещё заметила, что парень говорит еле-еле. И в речи его какой-то дефект. Какой-то звук он произносит не так. Согласный – среднеязычный или переднеязычный. Так, сейчас он что-нибудь скажет, и я выясню, какой. Сейчас…

– Я… Мне…

– Продезинфицировать? – услышала я. И согласно кивнула.

После чего парень вскочил.

– Дай чистый пузырёк с кипячёной водой! – рявкнула я, собрав все силы. – С холодной!

Наверное, он шарахнулся от неожиданности – потому что грохнула упавшая на пол табуретка. Но куда-то убежал.

– Вот.

– Линзы!!! – заорала я.

Мальчишка шарахнулся снова. Орать я больше не могла. Но ему надо было сказать, чтобы он их… Чтобы их из меня…

– Вытащи у меня из глаз… линзы… Как получится. Но ногтями не скреби… И положи… в пузырёк… Обе… – после того, как я это сказала, мозги мои перешли на тёмную сторону.

И я ещё успела подумать, что до сих пор за всю жизнь ещё ни разу не теряла сознания.

Небо. Ясная высь, бескрайний горизонт, лёгкая вата облаков. Земля. Два последние шага по ней, оттолкнуться, взмахнуть крыльями – этот миг похож на начало оргазма, который затем длится столько, сколько сам полёт. Это восхитительно и бесконечно, потому что летишь и чувствуешь это всем телом. Чувствуешь счастье.

Но тело было не всё. Со мной не летели ни рука, ни нога. Жгло в боку.

Оп. Это что за фрукт? Точно, это мой косноязычный спа-

ситель.

– Здравствуй. – сказала я ему.

Он склонился так низко, что я его хорошенько разглядела. И, наверное, даже улыбнулась.

– Здрасьте… – ответил он.

Тут же отшатнулся и уселся где-то там далеко.

Я скосила глаза на себя. Очень хорошо. А я-то думаю, чего мне так холодно. Лежим, значит, в голом виде, даже халатом не накрыты. Рука перевязана. Что-то налеплено на боку. Но почему я человек?! Почему мои толстые немодельные ноги снова со мной? Я подёргала левой ногой – есть контакт. А правая… Чем это она так перетянута, что не реагирует? Меня ждёт ампутация? Всё, сейчас у меня начнётся паника. Только не орать…

– Я вам хотел укол сделать… – донеслось до моих ушей, загоревшихся, как и всё остальное, паническим жаром.

У моего носа появился здоровенный пластмассовый шприц.

– Накрой же меня чем-нибудь! Стыдно же.

– Я укол…

– Накрой!

На меня бестелесным облаком легла ситцевая простынка. Я осторожно дёрнула головой, скидывая её с лица. Малый схватил меня за мясистую часть левой ноги.

– Э, эй, у меня другая нога болит! – крикнула я в испуге. Потому что подумала: точно, с правой уже поздно что-либо

делать, её и не удосуживаются даже лечить.

– Дык… Это… Всё равно же… – по-моему, парень посмотрел мне в лицо. Я сощурилась, чтобы в этом убедиться, но он снова нагнулся. И, хлопнув на самую целлюлитную часть что-то холодное – а, ватку со спиртом, принялся активно тереть ею.

Ай! Как же больно! Раз всё равно куда, зачем он туда-то колет?! Стало быть, не много в моих ногах ещё жира, раз там так чувствительно. Это хорошо.

– Уколы в другое место делают! – возмутилась я.

– Я это… В другое не умею… Я людям первый раз укол делаю. Но это… Всё нормально, вроде…

– Как – первый раз? А до этого кому?

– Это… коровам… Телятам, жеребятам…

– Ой! – я даже не смогла ничего сказать. От напряжения закололо в рёбрах, что-то там отклеилось, и кровь потекла вниз по коже. – Посмотри лучше – бок!

Бросив пустой шприц на пол, пацан откинул простынку и стал ковыряться с приклеенной к моему боку нашлёпкой. Уй, больно-то…

– Скажи, что со мной. – попросила я.

Косноязычный мальчик, продолжая макать бинтом в ране, заговорил:

– Дядя Коля смотрел. Сказал это… ребро раздроблено. Плечо ничего – мягкие эти… ну эти…

– Ткани.

– Ага! Ткани задеты. И нерв. Будет болеть. Но типа ничего… Надо, чтобы не было заражения…

– А нога?

– Сильное крово… крово…

– Кровотечение. – парень показался мне слабоумным. Даже жалко его стало. Мне перед слабоумными почему-то всегда неудобно. Я сразу стараюсь предугадать их мысли, дополнить, сама за них рассказать то, что они хотят поведать – только чтобы они не подумали, что я знаю, что они слабоумные.

– Ага. Сильное. Эту… Вену перебило. Мы наложили жгут. До сих пор стоит. Сняли – а она фонтаном…

– Это когда? – удивилась я.

– Вы спали. – парнишка снова что-то там прилепил вроде пластыря с бинтом. И накрыл меня простынкой. При этом я смотрела ему в глаза, чтобы он не отвлекался взглядом на всякие посторонние органы. Он тоже мне смотрел в глаза. Всё, простынка наложена. Я вздохнула с облегчением.

– Раз кровопотеря… Слабость… Дядя Коля дал уколы. Мы их обычно коровам…

– Что?!

Вот это да.

– Они нормальные! Тут надо просто, чтобы стерильно было, и будет это… заживать… Дядя Коля сказал вас в больницу везть… Говорит, раз огнестрел… И что надо в этот… сосудистый отдел… Зашивать вену.

Я даже не знала, что сказать. Реальность была какая-то жуткая.

– Миленький, послушай. А где больница? Далеко?

– В райцентре. Ну эта… Которая с сосудистым. Только там с полюсами принимают. А у вас нету. Или есть?

– Полис в смысле? Есть, конечно. Только дома. В Москве.

Полис был в моей съёмной квартире, ключи от этой квартиры у Женьки – в сумке, вместе с остальными моими вещами. Надо ехать к Женьке. Но если ранение огнестрельное, в больнице это не хуже дяди Коли поймут, приведут ко мне полицейского – и я стану ему объяснять, что летела я так, летела по небу, а тут – раз! И пальнули по мне нехорошие дяди. Куда меня отправят после излечения? Правильно, к психиатру. Придумать что-нибудь? Попробовать описать приметы тех охотников на джипе. Но я их не разглядывала это раз, а два – они по человеку не стреляли. Так они скажут. И будут правы. Потому что я… Да, кто, всё-таки, я? Что за полёты мне мерещились? И кто по мне в таком случае на самом деле стрелял?

– А мы где сейчас?

– На ферме. – ответил умник.

– А где это?

– Ну… Это… Около нашей деревни.

– Понимаю. Деревня как называется?

– Ключи.

В системе «Вопрос – ответ» мы выяснили, что это за рай-

он. Какое Варшавское шоссе, какая Киевка – я была в другой области, не в Московской, а в примыкающей к ней! Вот каким ветром меня сюда занесло?

Я так устала от общения со своим слабоумным другом, что потихоньку глаза мои закрывались, закрывались, и я снова впала в сладкую бесплотную дрёму.

А из неё, конечно, перетекла в сон. Потому что когда я проснулась, лампа на столе не горела, солнечные лучи били точно в середину маленькой комнатки.

– Эй! – позвала я.

Жеребячий лекарь – я всё прекрасно помнила! – не отозвался.

Мне нужен был туалет. Немедленно.

Я повертела левой ногой – без проблем. Правой… Вроде, какой-то слабый сигнал она уловила. Когда моча ударяет уже в голову, какое угодно, мне кажется, больное тело можно заставить подняться и идти на поиски ватерклозета. Так я и сделала. Упираясь во всё, что можно, левой рукой и левой ногой, я спихнула себя с лежака. Постаралась поставить правую ногу на пол. Наступила левой. Встала на неё. Стараясь правую почти не задействовать, заковыляла к двери. Без линз и очков, а заметила её. Стало быть, не такой уж я и слепыш – с моими-то минусом три с половиной. Жить можно. Вернусь – выясню, где линзы.

Ходить было совсем не то, что летать. А особенно на полу-

тора ногах. Стоп, какое – летать? Это, конечно, просто яркое видение, но всё-таки, надо признать, из некого очень славного наркотического сна. А может, правда, мы у Женьки тогда какого-нибудь забористого ЛСД шлёпнули – и колбасило меня всё это время вот так увлекательно. Но не помню я такого факта своей биографии. Ничего я не шлёпала.

Грибы!!! Мы ели грибы… Белые, чёрные. Они были в жульене, в салатах, в подливке к мясу. Наверняка ещё где-то. Грибы… Ну, всё понятно. Это такой прикол. Радость гостям. В еду их накидаешь – и радуют они ненавязчиво, незаметно, безвредно. Специальные грибы для расширения сознания перемешаны наверняка с обыкновенными какими-нибудь шампиньонами. Чтобы легонько накрыло, подняло настроение – и достаточно. Я же навернула, выходит, много: помню, слупила два жульена, горку вкусного салата, там грибы были. И подливку – густую грибную подливку я столовой ложкой черпала, такая вкусная оказалась. Накренился мой чердак…

А потом я с какими-нибудь отморозками, которых не помню, каталась на машине с такой скоростью, что, казалось, это я летаю над миром. Из-за жёстко сорванной крыши кто-то из них стрельнул, попал в меня. Бросили они моё подбитое тело – по причине своей отмороженности.

И вот я здесь.

От такого простого объяснения меня прошиб пот. А ещё, помнится, я радовалась, что больше не потею… И пахну ла-

даном. Ладаном я и так скоро запахну. В гробу.

Потому что ногу как будто разорвало, хлынула кровища. И одновременно с этим я открыла дверь на улицу.

Осень. Яркая и тёплая ранняя осень. Самое моё любимое время года. Как же хорошо-то! Неужели я помру из-за дурацких наркотиков?! Как же жалко, что нельзя перезагрузиться и начать с какого-нибудь нормального момента!!! Например, с раздачи шашлыков. Я бы никогда никаких наркотиков! НИКОГДА!!!

– Никаких наркотиков! Никогда! – одновременно с этой фразой, которую я провопила изо всех своих сил, рядом со мной появился тот самый парень. Который маленький совсем. Лет семнадцати.

– Да я это… Не делал вам никаких наркотиков, не волнуйтесь! Вы зачем встали?

И он потянул меня в дом.

Но плющило так, что я мотала головой и вырывалась. Я вид крови очень не люблю, но сейчас дурацкая эта кровь была везде. И больше всего – у меня перед глазами. Надо сказать мальчику про туалет, чтобы он отпустил, чтобы отпустил…

Но вместо этого я просто орала. Кстати, почему-то тихо. Или это мне кажется, что я орала…

В красном мареве у меня перед глазами разрасталась чёрная точка. Быстро – из маленькой становилась как десять копеек, как пять, как пятьдесят, рубль, пять рублей, как всё.

Ой. Всё чёрное.

…– Может, туалет? – услышала я.

И чёрное отступило. Закачалась около меня физиономия – глаза, кажется, серые. Серые, да. Мне, в принципе, всё равно, какие у людей глаза. Это, конечно, очень кого-то может интересовать, очень…

Громыхнуло ведро. Я на него немедленно рухнула.

– Уйди.

А, не знаю, ушёл он или нет. Кажется, да.

Потом, вроде бы, я рвалась ведро вынести, выкинуть его, что-то ещё требовала. Но в конце концов около меня, снова почему-то лежащей, замаячили двое – вроде, тот парнишка, и кто-то, от кого пахло противно-сладким. Навозом, кажется. Или натуральным молоком, или смесью молока и навоза, как всё свежее натуральное молоко и пахнет – бя-я-я…

Я ненавижу болеть. Потому что в основном всегда лечила себя сама, и рядом не было никого, кто бы, как когда-то давно мама, сидел бы со мной. От ощущения, что меня лечат, что заботятся, я выздоравливала обычно быстро. Моя благодарность, наверное, просто аж выходила из берегов, и процесс выздоровления шёл бодро. Но когда я уехала от родителей, болезни превратились в ужас. В одиночестве и, например, с температурой, мне было страшно лежать дома. Особенно ночью. Подруг звать меня полечить – глупо. У моих мужчин обычно всегда оказывались какие-то дела – ну есте-

ственно, люди работали, не могли со мной сидеть и подавать чай и таблетки в постель. Понимая всю глупость и бессмысленность этого процесса, я всё равно расстраивалась, что меня никто не жалеет и не лечит. На мои просьбы любимым мужчинам: «Посиди со мной» я получала отказы. И, получив эти самые отказы, чтобы не казаться им попрошайкой и размазнёй, делала вид, что мне ничего, никакого участия и заботы не надо. Я ведь прекрасно понимала, что это бзик и капризы дамочки, требующей к себе повышенного внимания. Но как же мне этого хотелось! Болезни, на которые накладывались эти страхи и депрессия, затягивались. Недолеченная, я бежала на работу – там хотя бы я была не одна. Поэтому-то я всегда ужасно боялась заболеть.

…Я снова проснулась. Как мне – лучше? Тогда надо ехать домой. Сколько прошло времени с той безумной вечеринки в последний день лета? Меня с работы, наверное, уже уволили.

Я вспомнила всё. Как мерещилось мне, что я птица. Фантомные боли в простреленном крыле. Укол в ногу. Ведро.

Оно снова мне было нужно.

Нога немножко слушалась! Но моя голова с твёрдой, как мне казалось до всего этого, памятью, дала сигнал, что с ногой надо общаться особо осторожно. И я присела над ведром только на одну. Удалось. Фитнес – это не зря придумано.

Тут же появился мальчик. Как всегда вовремя. Я, прикрывшись всё той же простынкой, прыгнула от ведра к сво-

ему лежбищу и рухнула на него.

Не обращая внимания на моё ведро, парнишка принялся расспрашивать, как я себя чувствую, где болит, и не хочу ли я поесть.

Хочу!

И он принёс мне быстрые макароны. Которые я ловко, благодарно и почти мгновенно умяла.

– А это… Можно спросить…

Он наверняка хотел спросить, как я оказалась возле коровьей фермы в голом виде. Про галлюциногенные грибы я не стала ему говорить, про безумное катание на джипе тоже, а также про стрельбу и свои экзистенциальные страдания. В результате которых я так вот и пошла в разнос.

Вместо этого я нагло (хотя мне было ужасно стыдно), посмотрела на него и поинтересовалась сама:

– А я вот никак не спрошу: как тебя зовут?

– Глеб. – ответил мальчик с фермы.

Ишь ты. С фермы, а Глеб…

– А сколько тебе лет? – я разговаривала с ним не как с ребёнком или как с дурачком, нет! Я просто уводила разговор в другую сторону.

– Семнадцать.

Ага, я угадала.

– В ноябре будет восемнадцать.

– Большой совсем. А какое сегодня число?

– Да я не умственно-отсталый. Вы не думайте! – горячо

воскликнул вдруг Глеб.

– Я не думаю, что ты! – так же горячо крикнула я и прижала левую руку к груди.

– Просто это… так считается… – парнишка опустил глаза. – Ну, все так думают… А меня в армию берут… Значит, я нормальный. Но вы это… как хотите…

Потому в армию тебя и берут, дурачок, что все умные от неё откосили…

И тут мне совсем стало стыдно. Какая же я всё-таки противная женщина. Самое последнее дело – глумиться над такими людьми.

– Прости, пожалуйста… – проговорила я еле-еле. И замолчала. Потому что набежали слёзы. И он их сейчас увидит. Позор.

– Нет, вы это… Это вы простите… – засуетился слабоумный Глеб.

И тут я поняла, какой у него дефект речи. Звуки «з» и «с» он произносил так, как в английском языке произносится «th». Ну, или почти так. Он высовывал кончик языка, и звук пролетал мимо трёх преград. Что и делало его речь похожей на речь слабоумного. И кто его так научил?

Решив его отвлечь, я снова спросила, какое сегодня число – ведь мне действительно это было важно. Оказалось… восьмое сентября. Вот это да…

– Глеб, ты, пожалуйста, меня извини. – я уселась на кровати. – Ну, что я тут у тебя залежалась, что вы меня лечили.

Я за это за всё заплачу. Но мне надо уезжать. Поэтому мне денег у тебя нужно попросить немного. Или лучше… Да, мобильный телефон! Я позвоню моей подруге, она приедет и меня заберёт. Есть у тебя мобильный?

– Есть. – кивнул Глеб. – Но он здесь не ловит. У нас вышка упала вместе с опорой, не починили… Надо в Ключи ехать. Или на трассу – ещё лучше.

– Поехали? – просительно проговорила я.

– Вам тяжело. У вас это…

– Да что ты всё «это» и «это»! – чёрт, я сама на себя не похожа! Чего я такая грубиянка? Как же оно греет – сознание интеллектуального превосходства над ребёнком мужского рода! И как же это мерзко на самом деле… – Извини, извини.

И я расплакалась. Со всхлипами, слезами горьким ручьём и переполненным соплями носом. До того стыдно мне было. Стыдно!

Мальчик взял меня за плечи. Осторожно так. Скромно и робко сказал что-то утешительное. И даже затуманенными рыданиями мозгами я моментально представила: вот мы сейчас ещё покрепче обнимемся – и у нас случился с ним роман. Классическая схема. Секс с несовершеннолетним, младше меня ровно в два раза парнем, уверения во внезапно пронзившей нас любви друг к другу, переезд с ним, деревенским дурачком, в Москву, где я работаю и содержу его, переживая, что Глеба, такого юного и свежего, сейчас уведут девчонки,

годящиеся мне в дочки… Стараюсь молодиться, чтобы ему соответствовать, переживаю, что это не всегда удаётся, мой любимый это понимает, но хоть и жалеет меня, ничего не может с собой поделать. И уходит к своим ровесницам. И я страдаю, страдаю, страдаю…

Ох, как хорошо, что я это всё подумала – теперь оно не произойдёт! Ведь когда что-то представишь, загадаешь на будущее – оно уже не случается.

Мне даже полегчало…

Условно слабоумный Глеб это понял – и тут же отстранился.

– Вы извините… – пробормотал он. Было понятно, что такие трудные слова как «извините» в своей жизни он произносит нечасто. Скорее всего, никогда. Больше изъясняется матом. Или молчит. Чего с коровами разговаривать?

В этот момент наш интим прервал дядя Коля, которого я до сих пор так и не разглядела. Он наконец-то рассказал, что с моими ранениями. Оказывается, кровотечение остановилось, разорванные вены, как я поняла, иногда сами собой срастаются. И под местным наркозом дядя Коля, скотный доктор, зашил мои ткани на ноге, которые до этого сам же разрезал, чтобы всё там прочистить. Я нагнулась посмотреть – вот это да! Швы выглядели как на теле человекоподобного изделия славного доктора Франкенштейна. Возмутиться я не успела – Коля и Глеб задрали одеяло и стали возиться с моим боком, который, едва я шевельнулась, закро-

вил.

Мои прелести, к счастью, не интересовали юного Глеба. А дяде Коле, видимо, было вообще всё это фиолетово – от него так разило водкой, что было понятно: она интересует его больше всего на свете. Так что и я перестала стесняться.

Однако, к стыду моему, скоро стало понятно – водкой разит не от дяди Коли, а от меня. Ею, вместо спирта, меня дезинфицировали.

Я вообще прикусила язык – особенно мысленный, который был в ответе за всю ту дурь, что я несла.

Когда возня с лечением была окончена, и дядя Коля удалился, на Глеба вдруг напала разговорчивость. И он рассказал, что в тот день, когда я у них тут появилась, приехали на джипе трое мужиков и принялись что-то искать.

Трое. На джипе. Ясно – это те, с которыми я зажигала…

– Меня схватили и это… – волнуясь, затыкаясь, нукая и, видимо, про себя заменяя матершинные слова на нормальные, говорил Глеб. – Спрашивают: где это… Ну, ты не видел?.. Птица тут сейчас здоровая такая пролетела… Она типа это… Наша. И она тут где-то, типа того, ну, тут должна быть… Где она? А я говорю…

Птица… Большая. Так…

– Нету тут, говорю… А они: давай, типа того, колись. Птица редкая. Этот, как его, ну…

Я смотрела на него, чувствуя, что схожу с ума. Схожу. А бедный Глеб мучительно вспоминал незнакомое ему до ны-

нешней поры слово. Название большой птицы. И вспомнить не мог.

– Ну этот…

– Кондор.

– Ага, кондор! – ой, как обрадовался! Бедненький. – Типа говорят: улетел он из зоопарка. Ты нашёл? Отдавай. А я говорю…

– Погоди. – прервала я. – А зачем они тогда в него стреляли? Чтобы в зоопарк мёртвую тушку вернуть? Или сразу чучело?

И тут Глеб меня потряс.

– А откуда вы это… знаете, что они в птицу стреляли?

Вот ведь – дурак дураком, а соображает!

Действительно – откуда я это знаю? Я сама, может, вместе с ними, по причине бодрой наркотической уплющенности стреляла. Этого я не помню. Я помню наоборот. Я…

От удивительности мыслей, что посетили меня, я замолчала. Всё-таки выходит, что…

Замолчала я надолго. Поэтому Глеб, который очень хотел общаться и рассказать всё, что знал, спешно продолжил:

– Они да – говорят: мы её завалили, птица наша. Ну а я ж не видел – я и говорю: «Не видел». А они мне: «А откуда кровь у загона?» А я это…

– Да – а ты что? – в его ответе мог крыться очень важный смысл. Может, хоть что-нибудь встало бы в картине моего мира на место.

– А я говорю… Я это… Что корова взбесилась и мою девушку на рога подняла… – стыдливо проговорил Глеб. – Ну… они и вас тут видели. Что вы лежите. Когда птицу искали – увидели…

Хоть быть этого и не может, но всё-таки птица – это я. Ну не могу же я всё это придумать. Как я стала этой птицей, конечно, не знаю – никакой наркотик в физическом смысле человека ни во что не превращает. Разве что в свинью. Да и то не всегда и не всех. Но грибы-то я ела. Ведь вполне мог кто-то пошутить и, когда отвернулась женькина кухонная работница, зловещих галлюциногенов в жульен и насыпать…

А Глеб молодец. Я не буду больше считать его слабоумным. Лучшей версии произошедшего и придумать нельзя.

– Скажи, Глеб, а ты сам-то эту птицу видел? – осторожно спросила я.

– Не-а… – замотал головой Глеб. – Так, заметил, что сверху что-то такое здоровое мелькнуло. Ну, это… вроде как тень. Я чистил у Бекеши, ну, у лошади у нашей, у Бека, как раз навоз на улицу вывозил… ну, это… Обошёл всё. Ничего. И тут смотрю – вы лежите.

– И что ты про меня подумал? – мне было очень интересно, что он мог подумать, увидев совершенно голую бабенцию, откуда ни возьмись появившуюся среди навоза.

– Что вы это… пришли… И упали… – не глядя на меня, произнёс Глеб.

– Честно?

– Ну… да.

– А совсем честно? – на таком простом детском лице, как у Глеба, всё с лёгкостью читалось. Даже мне, довольно бестолковой в плане отношений между людьми девушке, было понятно, что мальчик врёт.

– Ну… что вы от тех мужиков…

– Что?

– Убежали.

– В голом виде?

– Всё, это… бывает…

Нет, какие мы всё-таки умные! Вот что он про меня думает!

– А что же они меня тогда с собой не забрали? Не узнали? – ехидно и зло – чтобы скрыть обиду, поинтересовалась я.

– Ну это… Может, и не узнали. А может, им уже стало вас не надо… Они птицу искали.

То есть как это им меня не надо? Типа наигрались? Какой циничный мальчик!

– А почему тогда у меня рана такая? Сам говоришь – огнестрельная? Эти мужики стреляли? Да?

– Да.

– Но зачем им по людям стрелять?

– Ну, может вы им это… – покраснел, батюшки, он покраснел!

– Что я им?

– Не дали… Ну – отказали.

Ясно. А всё-таки, он про меня хорошо думает. Мне полегчало. Когда обо мне хорошо думают, самооценка у меня очень, очень сильно повышается!

И мне показалось, что я такая беззащитная, такая жертва, такая слабая женщина… Что всё оно так и было. Я убежала из похотливых рук охваченных погоней за какой-то птицей-кондором охотников, и они из злобной мести пальнули в меня.

Я снова тихонько заплакала.

Было стыдно. Что-то – наверное, жалость к себе, сжала сердце.

Ой. Крупная рука с неотмытой грязью под ногтями осторожно вытирала мои глупые жалкие слёзы.

– Глеб, ты что? – чуть не подавившись, крякнула я.

– Не плачьте. Что же вы плачете… – тихо и как-то нежно говорил Глеб.

И не как с больной. А просто. Сердечно.

– Я не буду, Глеб. Извини.

– Вам больно, да? Я вас буду хорошо лечить, уже ничего опасного! – рука отдёрнулась, но голос Глеба оставался таким, как будто меня по-прежнему нежно и осторожно гладили. Хотелось плакать ещё сильнее. Но только теперь уже спокойно и радостно.

Но чего ж плакать, когда спокойно? Я и перестала.

Улыбнулась.

– Глеб. Я за все лекарства, я за всё заплачу тебе. Ты добрый человек. Ты…

Говорила я что-то не то. Про «заплачу за лечение» и так было понятно. Глеб что-то хотел возразить, но я перебила его:

– Слушай, а чего ты говоришь мне «вы»? Неужели…

Тут я поняла, что не могу начать прибедняться перед мальчишкой: «Неужели я такая старая, что ты ко мне на «вы»? Неужели я так плохо выгляжу?» И выгляжу плохо – а какой больной хорошо выглядит? И старая я по отношению к нему – тоже правда. Но… Что-то в простецком парнишке Глебе было такое, что мне хотелось слышать от него это дружески-тёплое «ты». А может, мне всего лишь мужчин не хватает, вот я и хочу услышать «ты»…

Так оно или не так, но я вывернулась:

– Неужели у вас на ферме принято только на «вы» общаться? Вы в этом уверены, Глеб?

Глеб улыбнулся.

– Нет. А как тебя зовут?

Я сказала. И рассказала, кто я – в смысле, кем работаю, где живу, даже за сколько снимаю квартиру. И он рассказал – что окончил девять классов школы и на этом остановился, что работает скотником здесь на ферме и конюхом в селе за восемь километров отсюда. Даже, дурачок, что у него много денег сообщил: люди держат на конюшне своих собственных, купленных за очень дорого племенных лошадей, Глеб

за лошадьми ухаживает, а владельцы это хорошо оплачивают. Да, ещё рассказал, что мать его живёт в Ключах – это деревня неподалёку, у матери новый муж, так что Глебу при ферме больше нравится. А скоро Глеб пойдёт в армию, он очень хороший конюх, поэтому в военкомате его пообещали направить в кавалерийский полк.

Так что всё у парнишки было замечательно. Только я вот ему на голову свалилась. Честно, в отношениях между людьми я мало что понимаю, в основном ошибаюсь и принимаю одно за другое, но тут мне показалось – Глеб рад моему появлению.

Сверившись с записями в тетради, Глебка сделал мне очередной укол. Я, стесняясь, естественно, голого своего зада, но маскируя стеснительность учительским голосом и деловитостью, руководила операцией. В результате чего Глеб расчертил шариковой ручкой мне ягодицу на четыре части и вонзил шприц в правый верхний угол. На прощание он напоил меня чаем, выдал таблетку снотворного. И ушёл. Чего я, почему-то с особой стремительностью отрубаясь, почти не заметила.

Мне не терпелось позвонить – уже наверняка сходили с ума родители. Перед подругами тоже было неудобно. И на работе волнуются. Даже если увольнять собираются – волнуются потому, что увольнять некого.

Но выехать на трассу, где мобильный телефон ловил сеть, мы смогли только спустя два дня. Зверинский доктор дядя Коля сказал, что у меня раздроблено ребро, активно двигаться не надо. Ребро надо собирать, для этого хорошо бы в больницу – и т. д., и т. п. От этого мне было страшно – но не так, как могло бы быть в моей прошлой жизни. Беспокоясь за свой организм, который в рекламных и пользовательских целях нужен мне здоровым, я сошла бы с ума – и уже давно носилась бы по больницам. А сейчас – мне было почти всё равно. Но вот почему? Середина ребра прощупывалась в виде фрагментов. Наверное, когда это всё само собой как-нибудь срастётся, я буду маленько кособокая. А – плевать, с какой-то дурной беспечностью думала я, сойдёт для сельской местности.

Тем более что рана на бедре, которая выглядела наиболее зловещей – и из-за того, что здорово кровила поначалу, а потом из-за корявого шва, на самом деле опасности не представляла и не беспокоила. Рука ныла – нерв, как мне объяснили… Да пройдёт и она. Ерунда.

Но, уступив моим просьбам, Глеб уговорил дядю Колю поехать на трассу. И тот прикатил к ферме на своей машине «Нива».

Появились они утром, я ещё спала. Да, Глеб регулярно уходил ночевать в деревню к матери. О моём существовании она не знала – и дядя Коля обещал никому не рассказывать (а доярки, передвижения которых иногда были видны мне из

окна, не заглядывали к Глебу в его каморку, а потому тоже обо мне не догадывались).

Я оделась – а мой маленький доктор принёс вчера из дома замечательную одежду: свою майку псевдо-Adidas, такие же спортивные штаны, носки, куртку и, вместо трусов, восхитительную вещь – роскошные трикотажные панталоны. На них висела бирка, панталоны были новыми.

– Бабка себе покупала. Я у неё из шкафа взял. – дико смутившись, заявил Глеб, протягивая мне чудесное бельё. – Другого нового ничего не было…

Я благодарно пожала его славную детскую, но на вид совершенно мужскую руку.

Панталоны так панталоны. Они, кстати, как раз загораживали рану на ноге и прижимали к ней повязку. Удобно.

Так что сейчас, снарядившись во всё это, я надела линзы, выловив их из пузырька с настоящим физраствором, которого мне удалось налить из ампулы для разведения антибиотика. И была готова к отъезду. Уже совсем не сильно прихрамывая, подошла к «Ниве», Глеб легко закинул меня на высокий порожек, поставил на место откинутое переднее сиденье, влез в машину сам.

И мы поехали. Не отрывая взгляда от экрана простенького Глебова мобильничка, я ждала, когда появится сеть. Раз чёрточка, два – появилась. Хорошо, что я помнила наизусть мамин номер.

– Мама, это я!!! – не своим голосом закричала я.

Мама плакала в трубку. Услышав меня, она даже говорить не могла. Мама плакала и кричала. Но это была она, а это – я. Вот что главное. Я говорила. Говорила, что всё хорошо, что я жива и здорова. Что у меня… необыкновенный роман, поэтому я забыла всё на свете, потеряла телефон, даже не заметила этого – ну, так была погружена в любовь. А теперь вот звоню им с папой – так что пусть они меня простят, пусть не волнуются. Потому что у меня всё очень-очень и ещё раз очень хорошо! Что я обязательно к ним приеду, что буду звонить, что…

Мама успокоилась, хоть плакать продолжала. Но я сделала всё правильно – и пусть лицо дяди Коли вытягивалось, когда он смотрел на меня и слушал, что я маме выдумываю про роман. А Глеб, мне кажется, про роман на самом деле поверил. Ну, что у меня этот роман с кем-то, от которого я, видимо, в голом виде убежала. Пусть думает. Мамино и папино спокойствие было мне сейчас дороже, чем мнение малыша Глеба. Вот я и врала. Пусть.

Не сразу, но я вспомнила и Женькин номер. Набрала.

Оказалось, что вещи мои увезла полиция, потому что девчонки подали в розыск. Про роман я и Женьке наврала. Попросила, чтобы забрали заявление – я ведь нашлась. В случае, если не поверят, чтобы дали полиции номер телефона, с которого я звоню. И ещё попросила, чтобы Женька сообщила мне на работу – там тоже ведь по потолку бегают. А когда я начала объяснять, куда за мной приехать, связь оборва-

лась. То ли деньги кончились на счете, то ли и правда приём неустойчивый.

Ну, я подумала, и ладно. И звонить Женьке заново не стала.

Наверное, меня отсюда забирать не надо.

Почему? А шут его знает. Сама приеду.

Мы двинулись обратно. Я молчала, молчали мужики. Уверена – они думали о романе, который я так сочно расписывала. И строили свои предположения.

Приехав, они сгрузили меня на лежак и оставили одну. Дела.

И я осталась жить. На содержании Глеба. Который готовил на электрической плитке яичницу, варил картошку, сосиски, резал сало толстыми кусками и подавал мне с хлебом. А ещё, оглупляя свою речь, говорил чёрт знает что вместо «з» и «с», и практически «х» вместо «г».

Но он был какой-то ненавязчивый, лёгкий в общении, надёжный, внушал уверенное спокойствие, не бесновался, как многие знакомые мне мужчины, привыкшие чуть что устраивать истерику. Да и чего ему истерить, с какого перепуга? И не пугал его никто. Даже я.

Но меня однажды испугали. Пастушьи собаки, которые, как потом выяснилось, очень любили Глеба, влетели как-то вечером ко мне в каморку. Юный скотник в тот момент куда-то отлучился. Они влетели, подскочили к лежбищу, Глеба

не нашли – а на меня принялись лаять. Я орала так, что Глеб услышал. И прибежал.

Собаки быстро всё поняли, и с тех пор меня не трогали.

А Глеб в тот день не пошёл в Ключи к матери, ночевал вместе со мной, постелив себе на стуле и скамейке. На следующий день он приволок из деревни раскладушку с одеялом. Днём он был всё время занят: ковырялся на своём коровнике, уезжал на конюшни – то на велосипеде, то верхом. А вечером, укладываясь спать, он общался со мной. Мы болтали, устроившись на своих спальных местах. Я рассказывала ему про себя, а он мне про лошадей, деревенские забавы и своих родственников. Получалось одинаково объёмно: я, оказывается, прожила уже длинную и весьма насыщенную жизнь, а вокруг него жизнь сама по себе была интересная.

Почему-то не думалось о том, что же это Глеб ко мне не пристаёт. Потому что, наверное, не хотелось дать себе на этот вопрос правильный ответ: да потому что ты в мамы ему годишься, а он не извращенец. Живём мы в пристройке к длинному зданию фермы – и как так и надо. Даже дядя Коля по этому поводу не острил. Да он, кажется, острить вообще не был расположен.

Иногда Глеб ходил гулять со мной, водил смотреть всякие разные места. Но чаще я ковыляла по округе одна. Мне не хотелось никому показываться, поэтому прятаться от посторонних глаз я научилась. Выучила расписание доек, знала в лицо всех доярок, заведующую фермой, даже председателя

колхоза. Да – здесь был колхоз, и молоко с фермы он продавал местному частному молокозаводу.

Гуляла я, гуляла и думала. О том, что не может такого быть – ни с того ни с сего моё тело вдруг так отчётливо помнит небо, помнит, что оно там вытворяло, – все виражи, все воздушные потоки и то, как нужно их ловить крыльями. Я помню то, как выглядит Москва с большой высоты, помню… Да что там – всё я помню! Вот что это такое?

Это была единственная мысль, которая не давала мне покоя. Остальные давали.

Остальные – это типа вот такой: что наконец-то мне хорошо так, как есть. Это были приятные мысли – они приходили и тут же испарялись, оставляя на душе сплошную позитивность. Размышления о том, что я нереализовавшийся человек, больше не мучили меня. Я была ни с кем не связана, и я была счастлива. Не страдала. Не загадывала ни на что, хотя обычные дурацкие загадывания раньше изводили меня страшно: например, если сейчас проедет по дороге красная машина, значит, я выйду замуж. Или: если я обгоню эту парочку до того, как она свернёт за угол, у меня будет ребёнок… Всё, перестала загадывать. Стало легче. Честно.

Как-то не до всего этого мне стало.

Эйфория – да, наверное, это эйфория какая-то продолжалась. Потому что меня всё устраивало, всё мне нравилось, всё доставляло удовольствие – даже то, как ковырялись в моих боевых ранах дядя Коля и Глеб. Приятно было. Больно

и приятно. Мазохистка? А пусть. Радовал день, тень, ветер и дождь, жизнерадостно чавкающая грязь, толстобокие и одновременно костистые коровы, слоняющийся по загону во время дойки бык с классическим кольцом в носу – этого быка даже лень было бояться. Не вызывали обычного отвращения беспородные пастуховские собаки, одна из которых была явно лишайная. Я их даже гладила и кормила. И лишайную в том числе.

И даже когда я рассматривала собственное лицо в зеркале – с морщинами, которые оставались на привычных местах, прежний бездонный чёрный кошмар не утаскивал в свои недра мою страдающую душу. Мне было хорошо, в чём множество раз на дню я мысленно и вслух с удовольствием отдавала себе отчёт.

Но почему это так?

Неужели только потому, что я не хожу на работу, не устаю там, не пытаюсь придумать своей жизни цель и смысл. А просто живу в деревне. Да – неужели из-за этого?

Глеб приносил мне воду в вёдрах, я грела её кипятильником и стирала свои вещи. Стирала и развешивала за пристройкой, в которой мы жили. И вот сейчас, расправляя простынку и закидывая её на верёвку, я широко раскинула руки, хлопнула натянувшимся полотном. Разбежаться и полететь – мечта каждой сознательной русской женщины. Не в Волгу, а в небо, разумеется. Я и разбежалась. И руки раскину-

ла. Бежала долго. До небольшого обрыва, которым начинался овраг с крапивой. Туда, конечно же, падать не хотелось. Вот тебе и полёты. Бред? Бред.

Только Глеба этой беготнёй расстроила. Потому что болячка на боку разошлась, Глебу с ней пришлось возиться.

Глеб ушёл куда-то, оставив меня одну. Близился вечер, но до темноты было ещё долго. Я лежала, смотрела на свет настольной лампы – и думала. Что же тогда произошло со мной – там, у Женьки дома?

Пережидая медленно затихающую боль в боку, я, внимательно и подробно, минута за минутой, штрих за штрихом принялась вспоминать этот день. Начиная с того, как я проснулась у себя в квартире, как стала собираться к Женьке в гости, как выехала. И так далее. И женихи, и шашлыки, и страдания, и подруг своих приставания – всё вспомнила. Ну не было ничего аномального, я же не сумасшедшая.

Как дошла до ручки вспомнила. Когда умные мысли по поводу собственной судьбы пришли мне в голову. Вот это состояние у меня тогда было! И сейчас как я спокойна – даже сравнить нельзя. Дошла до этой самой ручки, закрылась в комнате, носилась там. На балконе упала – всей своей массой об пол грохнулась. И дальше…

Стоп.

А что, если попробовать?..

Я слезла со своей постели, обулась, вышла на улицу. Оглянулась – нет никого. Забралась на загородку – она была мет-

ра полтора в высоту, даже меньше. Достаточно. Если расшибусь, то не сильно. Встала, немного балансируя, чтобы не потерять равновесие, поставила ноги так, чтобы не зацепиться за жердь, хотела руки раскинуть, но просто прижала их к груди. И, изо всех сил преодолевая сопротивление организма, который боролся за свою сохранность, лицом вниз рухнула на землю.

Больно, ой как больно я ударилась! Так наверно, чувствуют себя те, чьё тело вывернули наизнанку. Или те, кто рождаются. Но, наверно, они быстро об этой боли забывают. Точно так же, как я. Которая да! – превратилась в птицу. Всё ту же здоровенную птицу в контактных линзах! На этот раз они ровно в глазах остались стоять. Взмахивая крыльями, я поднималась над землёй – и не было человека счастливее меня! Правое крыло чуть ныло, но что это была за ерунда в сравнении с упоительностью полёта! В небе было восхитительно, в небе был восторг. Попав в стабильный поток воздуха, я парила, распластав крылья. Я не падала на землю, как часто снилось мне в кошмарных снах. Не теряя потока, я снижалась широкими кругами. Затем снова набирала высоту, разглядывала окрестности. Вот она, ферма наша родная, вот деревня Ключи – и правда, совсем близко. Трасса, за трассой ещё населённый пункт, гораздо больше, чем Ключи, дальше ещё один, и ещё. Леса, лесная река – сразу и не поймёшь, так деревья над ней наклонились. Надо же, какая она тёмная с высоты.

Значит, всё это было правдой. Значит, мне несказанно повезло – и на самом деле!

Выходит, всё так просто! В течение взрослой жизни надо лишь наныть как следует Богу в уши, прохлопать всё на свете – и в конце концов будет всё хорошо! Упадёт в руки такой удивительный бонус. Вот ведь…

Я могу быть человеком. А могу – птицей. Небо – моё, и земля тоже моя. Я – везде.

Сделав большой круг над фермой и её окрестностями, я приземлилась рядом со своими панталонами. Сложила крылья, зажмурилась и ударилась о землю. Прошло несколько болезненных секунд. Я поднялась на ноги.

Напротив меня стоял Глеб. И смотрел бешеными глазами.

– Ты… Это ты… – забыв, видимо, все слова на свете, с трудом произнёс он.

– Да, Глеб. Это я. Я – оборотень.

Я произнесла это слово, и всё окончательно встало на свои места. Теперь мне ничего в жизни было не страшно.

А уж в голом виде Глебу показываться – не страшно тем более. По сравнению с тем, кто я, голая женщина – это ерунда.

– Правда. Смотри, Глеб. – с этими словами я решительно вздохнула, подпрыгнула, подтянула колени под себя и грянулась о землю. Обернулась, взмыла в небо и принялась кружить над Глебом. Набрала немного высоту, сделала круг по-

шире, встала на крыло, показала Глебу «горку», на большой скорости спикировала ему прямо под ноги, сложила крылья – тресь! Ударилась о землю, обернулась голой красной девицей. Ох-ох-ох, больно-то как с сырой землёй встречаться, особенно физиономией.

Между тем лицо Глеба было бледным. Наверное, такими бывают лица тех, кто видит чудо. И у меня бы такое было, если бы я увидела, как на моих глазах люди оборачиваются.

– Боишься, что я оборотень? – спросила я мальчишку, опускаясь на колени и начиная собирать с земли свои вещички. – Не бойся. И прости, что ты это всё увидел.

Я уверена – слово «оборотень» и процесс его превращения из одного в другое должны если не пугать, то настораживать любого. Но Глеб вместо всего этого бухнулся на колени рядом со мной, схватил меня за руки, не давая собирать тряпки, и заговорил:

– Ты такая… Такое! – он запинался от восторга, улыбался – и стеснялся этого. – Ты…

Он не договорил. Потому что…

– Ого! – на всю Ивановскую раздался мощный бабий голос.

Это ещё кто? Я вскочила. Затем снова присела, хватая в руки халат. И панталоны свои дурацкие. С панталонами в руках и голая я смотрелась особенно комично. Особенно возле Глеба, семнадцати лет от роду. Особенно… Вот дурь-то какая…

А доярки, которых я, облетая окрестности, на улице не видела, вдруг вырулили из дверей фермы, попёрлись не в ту сторону. И оказались возле нас. Да, картина им открылась презанятная. Тётки и потешались.

– Ох, ну вы посмотрите – Глеб-то наш с девушкой!

– Да что ж вы на улице-то? Другого места не нашли?

– Глебка, а мы-то думали, что никто на тебя и не позарится!

– Вот мамка твоя удивится. Мы ей сейчас расскажем.

– Да чья ж это девка-то такая? Глеб, расскажи – откуда невеста?

Но Глеб ничего не стал рассказывать. В один момент собрав мои вещи с земли, он схватил меня за руку и потащил в свою каморку. Когда пробегали мимо доярок, одна из них ухитрилась меня за голую задницу ущипнуть, вот зараза.

Вбежали мы, закрылись. Гадские доярки стучались в окошко, весело орали что-то – матом и так. Глеб задёрнул шторку и встал к окну спиной, так что бабцам в комнатке ничего не удавалось разглядеть.

Я затаилась на кровати. Стесняться доярок мне совершенно не хотелось. Даже, если честно, переживать, что, вполне возможно, испортила юному Глебу репутацию, желания не было. А что было? Да всё та же радость. Я – оборотень! Оборотень. Не в погонах. Не убийца. Не буду выть в полнолуние и бросаться на людей. А оборотень в перьях. Чудо я в перьях. Женщина, которой повезло.

Я подумала, что от увиденного с Глебом произойдёт какая-нибудь глобальная метаморфоза – например, отключится функция косноязычия. Или он, наоборот, потеряет дар речи совсем, ну, хотя бы просто заикаться начнёт. Но нет.

Он говорил. Что – не помню, я его не слушала. Потому что своих мыслей было выше крыши. Продолжая говорить, Глеб подносил мне чай, еду какую-то. Я машинально пила, ела, даже лечилась под его чутким руководством.

И вернулась в суровую реальность только тогда, когда вдруг кто-то с грохотом и воплями принялся долбиться в дверь каморочки.

– Глеб, разъедрить-кудрить-зараза! – на арене появилась большая женщина, ещё более громогласная, чем доярки.

Ох, она вопила, ох, развлекалась – явно с удовольствием, смачно и как-то даже неожиданно интересно ругала своего сынишку. Мужик, что топтался возле неё, – естественно, новый муж, только вяло поддакивал. Так что выступала мать Глеба (она, я её сразу узнала – в первую очередь по тому же дефекту речи) с сольной программой.

– А я-то думаю, чего он всё на ферме-то ночует! Прямо поселился тут! – махала ручищами мамаша. – А он вот тут с кем кувыркается!

Глеб покраснел. Он пытался что-то сказать – но в такой мощный монолог нельзя было воткнуть ни одно постороннее слово-веточку. А мать распекала Глеба. И меня тоже. Но я нагло молчала – вот такая я теперь стала побарабанистая.

И, к тому же, мне было очень интересно – ведь я видела, что прежде всего селянкой движет любопытство, а не гнев. С кем это тут живёт её сынуля? А вот с кем – с некой дамой, примерно её ровесницей. Ну года на два-три она была меня старше, не больше.

Так. Мать вопила, муж топтался, я наблюдала за компанией и интригующе молчала, а Глеб… Я заметила, что Глеб давно уже мог бы возразить и заявить, что я тут просто так, что ничего он со мной не живёт. Но он упорно не отрицал этого. Я догадалась – и весело улыбнулась ему. Милый какой. Очень хочет показать матери, что взрослый, что имеет право жить с женщиной. Хоть с какой…

Ну да ладно.

Глеб и мать наконец начали диалог. О чём – я не слушала. Сидела себе, накрывшись одеялом, и думала. Уезжать надо – и Глеба хватит подставлять. И вообще. Новое знание о себе открывало неожиданные возможности. А ещё говорят, что в жизни, в отличие от компьютерной игры, нет уровней. У меня оказался. Я вышла на какой-то неожиданно новый. И явно сохранилась. Чудесно!

Когда мать с мужем удалились, наконец, восвояси, Глеб хотел извиняться. Но какими словами – не знал. За что мне было его извинять?

– Всё нормально. – сказала я Глебу.

Хороший он, милый человек. Я смотрела на него – и душа

наполнялась простой и ясной радостью. «Дай Бог тебе невесту хорошую!» – подумала я про него. И предложила укладываться спать.

Спать. Да, улеглись мы спать. Глеб уснул – тихим бесхрапным своим сном. Как умеют спать, наверное, только такие вот юные люди. И, наверное, любимые мужчины. Потому что все мои мужчины нелюбимые храпели. Может, в этом самом храпе есть что-то знаковое? Это показатель или моя фобия? Не важно. Не знаю…

Мне, в отличие от маленького Глеба, уснуть не удалось. Я ощущала счастье. Наверное, в таком же состоянии находились бы Гитлер и его друзья, если бы им удалось перебить ВСЕХ евреев, цыган и славян; то же самое ощущал бы Александр Македонский, если бы сумел покорить ВЕСЬ мир.

Передо мной был тоже мир, и тоже ВЕСЬ! Жизнь моя казалась теперь настолько осмысленной и прекрасной, что хотелось… Да, хотелось немедленно снова полетать! Я даже вскакивала два раза со своего лежбища и бросалась к двери, но Глеб оба раза просыпался. Перед ним мне почему-то было неудобно, я возвращалась на место. И ждала утра.

Оно наступило. И я принялась собираться.

Когда Глеб вернулся с коровника, я сообщила ему, что уезжаю в Москву. И попросила у него денег на билет.

У Глеба был замечательный характер. И стальная выдержка. Потому что этого он, видимо, ожидал меньше всего. Жи-

ла-жила, а тут вдруг – нате.

– Я знаю, это из-за моей матери… – начал он. Но, умница такая, сам понял, что всё не так.

В Москву мне было очень надо. И я торопила Глеба. Обещала вернуться – и расплатиться.

Глеб не стал возражать. Да и с моим нынешним напором попробуй повозражай. Зато он быстро запряг своего коня Бека в телегу – чтобы везти меня к автобусу.

И стоял теперь на дороге, ожидая. Вожжи в его руках подрагивали.

– Погоди, – сказала я Глебу. – Можно я разок, на прощанье.

Я забралась на телегу и уже почти профессионально грянулась с неё на землю. Облетела ферму, покружила над лесом и полем, вернулась к Глебу, села рядом.

– Ну я это… И правда не могу поверить, что это ты. – Шок действительно не оставлял мальчишку.

– Да я… – я улыбнулась. – Глеб, обними меня.

Он обнял. Осторожно, за шею. Я подняла крылья, накрыла ими Глеба, прижалась к нему. От меня по-прежнему пахло смесью воды Oxygene и церковного кадильника. Я вдохнула этот запах с неослабевающим удовольствием.

Глеб погладил мои перья. А я его поцеловала. Он был очень хороший, этот юный Глеб с коровьей фермы. Друг лошадей, рогатого скота и меня.

– Хорошо, что ты есть на самом деле! – прошептал Глеб

и обнял меня – теперь уже за то место, где раньше была талия. – Я никому, я никогда… Никогда про тебя никому не скажу!

Поцеловать меня он не решался. Всё-таки, хоть и чудесная женщина – с крыльями и перьями, а лицо-то всё то же. Взрослое. Глеб знал меру.

– Да никто и не поверит, Глеб! – улыбнулась я.

– Ну… – неопределённо хмыкнул он.

Я стартовала с телеги в небо.

– Поехали! – весело крикнула Глебу с высоты. – Я долечу до куда скажешь – чтобы недалеко от автобусной остановки, но никто не видел. Там обернусь и переоденусь!

– Хорошо!

Мы мчались с Глебом наперегонки. Он гнал Бека по раздрыганной дороге. Я уверенно вырвалась вперёд – моя-то воздушная трасса была идеально ровной!

– Гле-е-еб! – радостно кричала я.

Он тоже весело кричал мне и махал рукой. Светило спокойно-нежное осеннее солнце, радость мира сконцентрировалась в нас: во мне и добром мальчишке. Что, что ещё могло быть лучше на этом свете?

Ага, показалась трасса. Пора было принимать человеческий облик. Глеб подъехал к кустам и остановил Бека. Бамс! – а вот и я!

Глеб отвернулся, я быстренько натянула на себя незамысловатое барахлишко.

– Можно!

Глеб подошёл ко мне. Да уж, это он и в армии не забудет. Я улыбалась Глебу, а он дружескими руками всё на мне потрогал – и плечи, и спину, и ноги.

– Это ты правда всегда такая будешь: то так, то эдак?

– Да, Глеб. Очень на это надеюсь, – честно призналась я.

Наверное, он тоже хотел быть оборотнем – поэтому продолжать говорить о том, что это я одна такая особенная, я не стала.

Показался автобус. Глеб протянул мне пачечку купюр, сложенных пополам.

– Спасибо, – просто сказала я. Как по-другому выразить свою благодарность, мне пока не приходило в голову. Она, эта благодарность – за всё-всё то, что этот замечательный парень для меня сделал, была так велика, что… Что я должна была придумать что-то очень хорошее. – Я всё верну тебе, Глеб.

– Приезжай.

– Приеду.

– Спасибо.

Вбежав в маленький раздолбанный автобус, я пробралась к окошку, прилипла к стеклу.

Глеб, дурачок, погнался за автобусом. Бекеша старался, телега вихлялась и подпрыгивала. Глеб долго не отставал, правой рукой держал вожжи, а левой махал мне. Махал так отчаянно и обречённо, что было понятно – он не верит, что

когда-нибудь ещё увидит меня.

Но увидит – это я точно знала. Не тот я человек, чтобы не отдавать долги.

Я ехала в автобусе – обычная женщина, зажатая в самый угол сиденья тоже обычной, но очень габаритной женщиной. И никто ни в жисть бы не заподозрил, что я… А что я? Кто я?

За окном проплыла нарядная церковь с блестящими куполами. Может, я ангел особой модификации? Сходить к батюшке-попу на приём, показаться?.. Ой, боюсь-боюсь. Схватят они меня, как пить дать, схватят, потащат на какое-нибудь опознание и освидетельствование. И замучают. Будут доказывать, что меня нет и быть не может – а наверняка окажется, что я для них продукт нелицензионный. И что – сожгут, как Жанну д'Арк? Или много чести? Просто засадят в какой-нибудь тёмный подвал и втихаря заморят.

Может, кстати, меня в списках живых уже и не значится? Нет, ну как не значится – если меня даже полиция искать начала, если я по телефону разговаривала с несколькими людьми, в том числе с собственной мамой. И все они признали, что я – это я. Ангел, тоже мне…

А вот она и Москва – с высоты полёта мухи-дрозофиллы. Теперь я смотрела на неё по-другому. Потому что помнила её иной. Москва мне всё равно нравилась. И ничего в ней совершенно не изменилось. Разве что я – женщина в маль-

чуковом спортивном костюме и драных дерматиновых кроссовках на восемь размеров больше, чем надо, была несколько удивительна. Хотя – в толпе меня никто не знал. Без документов, правда, могло бы быть проблематично. Но я, к счастью, не привлекла ничьего внимания, вошла в сетевой магазин, купила себе одежду, тут же в неё нарядилась – и поехала к Анжелке на работу.

Впустить меня, понятное дело, не могли. Предъявить хоть какое-нибудь удостоверение личности у меня не было возможности. А потому я уселась в одно из кресел и стала ждать, когда Анжелка, с которой мне дали поговорить по внутреннему телефону, спустится ко мне.

Пока сидела, я отметила, что ребро, которое ещё вчера днём было всё в виде тех же раздробленных фрагментов, теперь целое! Да! Я его и так потрогала, и эдак – обычное ребро. Наверное, когда оборачиваюсь, я раскладываюсь на атомы. А потом собираюсь – как и должно быть. Здорово!

Осторожно подняв юбку, я погладила себя по ноге в районе шва, наложенного лекарем дядей Колей. Всё-таки корявый шов есть, хотя поменьше, поменьше. Не такой выпирающий. Или это мне только через колготки кажется?

Пока я самозабвенно гладила себя по бедру, рядом со мной материализовалась Анжелка.

– Вау! – закричала она. Она любила это «Вау». И кричала его так, как будто в этот момент у неё на губах хлопался здоровенный пузырь из жевачки.

Она меня вертела. Она меня крутила. Она потащила меня в машину, выспрашивая о подробностях удивительного романа.

Врать теперь уже не хотелось. Но и правду – прекрасную правду, я не могла рассказать вообще никому. Поэтому врала – в основном, междометьями. И закатыванием глаз.

Так мы доехали до Женьки. Началась эпопея в отделении полиции её посёлка. Вообще-то, это только мне казалось, что будет эпопея. А всё прошло довольно быстро и мирно. Видя моё счастливое и виноватое лицо, ребята-полицейские просто пожурили меня, позвонили куда-то, а затем отправились со мной, Женькой и Анжелой в соседнее здание. Там закрыли моё дело и вернули вещи, которые, наверное, уже сто раз понюхали сыскные собаки – и напрасно, бедняги, бегали по окрестностям Женькиного дома, отыскивая мои следы. Небо, небо надо было нюхать!

Вечером мы прибыли в Женькин особняк-с и уселись отмечать. Жалко, что Лара – мать-героиня, не смогла приехать.

Да, я девчонкам так всё и рассказала, как планировала: временно сошла с ума, разделась, слезла с балкона по водосточной трубе и воссоединилась с ухажёром, который ждал меня за забором. Как перелезла через этот самый двухметровый забор-то? Настоящая любовь и не на то сподвигает. Почему не рассказала о кавалере раньше? Тогда никто бы меня не мучил наставлениями и не заставлял амурничать с добрым толстяком. А боялась сглазить свою любовь – вот

почему не рассказала! Да! Всё было не очень определённо. А сейчас? Сейчас отлично. Сколько ему лет? Около сорока. Супер! Вау! Ненавижу «вау». Как зовут? Ромуальд. А как по-настоящему – не скажу. Познакомлю. Когда-нибудь. Сейчас рано. С деньгами? Не то слово – богат! Замуж зовёт? Всё к тому движется. Тем более вау. Вдвойне супер…

Ну наконец-то! Как же подруги были за меня рады! Мы пили на том же балконе, откуда я стартовала в счастье. От восторга я хорошенько набубенилась. В порыве любви к подругам и радостного ощущения, что они гордятся мной, я уже готова была показать им, кто я на самом деле. И уже даже к перилам пару раз подскакивала. Но всё-таки своими умильно-пьяными мозгами понимала: нельзя! Ведь цивилизованный мир удачных браков, корпоративного духа и карьерного роста меня не принял. Там ничего мне не удалось. Чего нельзя сказать о девчонках. И они рады моему вымыслу – потому что он уложился в понятие успешности. Но вот моя правда… Нет, они, может, её поймут. Только ведь ничего для них не изменится. Я буду жить со счастьем, в миллионы раз превосходящим все те радости, на которые могут рассчитывать они. Я буду летать. А они нет. Так что не стану их расстраивать. Пусть для девчонок я останусь очумевшей от любви дурочкой, которая тут же забыла всех подруг, столько лет вытиравших ей сопли и уверявших, что всё у неё будет хорошо! Пусть. Они это, по крайней мере, тоже поймут.

Правда, в одном месте я чуть не прокололась. Но всё-таки

сумела вывернуться.

– Я всё понимаю, – сказала Женька, возвращаясь к моменту моего внезапного исчезновения. – Кроме одного. Что у тебя всё-таки с головой-то случилось? Ну, когда ты от нас убежала.

– А что?

– Ну вот ты на балконе в пять секунд разделась – скинула с себя всё, в том числе трусы, ломанулась к своему Арчибальду.

– Ромуальду.

– Допустим. И что?

– Ну… Мы с ним так договорились – что я предстану перед ним предельно естественной, буду как можно ближе к природе… – вдохновенно врала я. – Ну а чего?

– Говорю же: интересно как-то. И непонятно. Мы твоё барахлишко-то с девчонками подобрали. А на следующий день я на балконе твоё кольцо нашла. – с этими словами Женька сняла с пальца кольцо – моё кольцо! и положила его на стол. – Так, думаю, дело нечисто.

– Почему? Я ж говорю – решила остаться без всего, поближе к природе.

– А серьги тогда почему не сняла?

– Сняла. То есть… – вот тут я запнулась – потому что сейчас была в тех же серьгах, что и тогда, в день улёта.

– Почему такая непоследовательность? Ты ничего не подумай, мне просто интересно. – и Женька посмотрела в моё

пьяное лицо с искренней заинтересованностью.

– Дык… Потому что… – начала я. И типа вывернулась. – Потому что мне ж кольцо Демьянов подарил! А я решила отправиться в новую жизнь без багажа прошлого.

И тут ахнула Анжелка:

– Погоди. Так ты говорила, что сама этот перстень купила. Что это твои первые бриллианты.

Блин. Колечко я правда купила сама, эти бриллианты действительно были моими первыми. Что делать?

– Врала, – не моргнув глазом, действительно соврала я.

– Да… – в один голос протянули подруги.

Я скроила на лице глупую улыбку обалдевшей от счастья врушки. Мне поверили.

Веселье продолжалось.

Утром, в состоянии лёгкого похмелья – того самого, которое начисто отбивает желание переживать, я уехала с Анжелой в Москву.

Вот моя работа, вот почти что дом родной. Пережёвывая огромный шмат жевачки, я поднималась по знакомой лестнице. К кабинету начальника. Начали попадаться сотрудники, считавшие меня погибшей или пропавшей… Привет! Я, да, я это! Здравствуйте!

Хорошая у меня была работа. Если вдруг не выгонят, буду особенно стараться. Хотя наглость, конечно, вот так вот пропадать и не ставить людей в известность. Я бы уволила

такую раздолбайку. Не знаю, что сейчас меня ждёт…

А вообще, я, наверное, качественно тут работала. Так что, по крайней мере, на позитивную рекомендацию я могу рассчитывать – чтобы в других местах её показывать. Ну а что? Объём работы я выполняла большой. Правда, из-за своей благодушной общей дружелюбности почему-то стеснялась идти по головам. Думала – и так заметят, что я не лентяй. А может, уже бы и заметили – если бы я вот так не пропала? Эх, да чего теперь!.. Да, за все семь лет работы здесь я не стала начальником ничего, поэтому так ко мне и относятся все до сих пор – без особого уважения. Зато ценят креативность. И любят. Не те, конечно, кто не уважает. Но любят многие. Я же чувствую. У меня на хорошее ко мне отношение повышенная чувствительность. Если понимаю, что человек ко мне хорошо относится – я ему всё прощаю. И становлюсь преданная-препреданная.

Так я думала, пробираясь к кабинету начальника. И на мысли «Меня любят» открыла дверь.

Рад! Мне рады, правда! Что я нашлась, что живая. Звонок подружки внёс здесь ясность – что я всё ещё актуальна в мире живых, просто влюбилась и загуляла. И мне оформили отпуск. Правда, за мой счёт – очередной у меня был весь отгулян. Так что можно было продолжать работать.

Что я и сделала – метнулась к своему столу, включила компьютер. Как раз закончился обеденный перерыв, наш офис наполнился людьми.

А мне продолжали быть рады – какие же все тут у нас хорошие! Поскольку я о себе упорно ничего не рассказывала, а только счастливо улыбалась (что давалось мне легко и совершенно естественно), сотрудники принялись сообщать о том, что происходило здесь в моё отсутствие. Во-первых, два проекта из тех, что я вела, оказались очень успешными. Так что моими трудами, как бренд-менеджера, контора гордилась и получала от этого (не от гордости, а от трудов) хорошую прибыль. Оба этих успешных проекта – внедрение в мозги обывателей желания покупать всякое барахлецо. Успех! Удача! Мир изменил своё отношение ко мне! Вот уж воистину: изменись сам – и мир к тебе изменится. А я изменилась, ещё как изменилась!..

Да, работа. Во-вторых, в наших отделах рекламы и брендинга произошла реорганизация – так что часть работы с моих плеч перекатилась на плечики других сотрудников. Поэтому теперь вполне было чем их занять и хоть как-то оправдать те зарплаты, что они имели.

Ну и, в-третьих, в жизни личного состава нашей конторы изменения тоже были – о чём мне постепенно до конца рабочего дня и рассказали.

Так он и прошёл, этот день.

Домой, скорее домой! В славную маленькую квартирку. Что там сейчас, как там? Мама обещала позвонить хозяевам и попросить не применять ко мне суровых санкций, но кто их знает, что они там учудили. Выкинули мои вещи –

или всё-таки терпят? Ключей-то у них от этой квартиры нет. Честные и принципиальные пожилые люди, у которых я снимаю эту квартиру, отдали мне все свои три комплекта.

Ну, что там?

А ничего. Всё нормально. Тихо в доме и спокойно, как будто я только утром укатила отсюда на работу. Первым делом я поставила заряжаться мобильный телефон, затем бросилась к телефону стационарному и стала звонить хозяевам.

Жизнь продолжала стелить передо мной ковровую дорожку. Всё было хорошо. Хозяева меня простили. Завтра с утра я повезу им деньги – за просроченный сентябрь. И за октябрь – ведь я плачу им каждое пятое число за месяц вперёд. Октябрь уже вот-вот, а раз я провинилась и задержала деньги, надо как-то реабилитироваться.

А деньги у меня были. Вот они, в коробочке, никуда не делись за время моего отсутствия. В сумку их.

Со сладострастным вздохом вернувшегося в объятия цивилизации путешественника я погрузилась в горячую ванну. Плохо было мыться в тазу. А в ванне… Я нырнула. Вынырнула. Повернулась на живот и прижалась лицом ко дну. Пустила пузыри. Всплыла. Перевернулась на спину. Красота.

Кинула в воду здоровенную «бомбу». «Бомба» зашипела, забурлила, наполняя воду своей солёной пользой и создавая эффект джакузи. Цивилизация. Москва. Блаженство.

Моё полотенце, моя пижама, мой тоник, мои кремы. Ни-

когда, мне казалось, я не любила всё это раньше. Так сильно не любила, как сейчас.

Моё постельное бельё, моя подушечка, одеялко. Мой телевизор (ой, хозяйский, но всё равно типа как мой), пульт, новости, свет. Который щёлк – погас. Всё моё. Так славно, спокойно. Ох… Красота.

Я была одна, точно так, же, как раньше. Но почему-то счастлива. Неужели это возвращение домой так действует? Вряд ли. Сколько раз я возвращалась из командировок, посещая наши региональные представительства. И что было? Грусть, что меня тут никто не ждёт и не встречает – и надежда, что когда-нибудь кто-нибудь ждать и встречать всё-таки начнёт. Ох, эта мне надежда, мой ужас земной… Надеешься-надеешься, думаешь, что всё в жизни неслучайно, что всё как-то или вознаграждается, или имеет смысл. Но ни того, на самом деле, ни другого. И надежда так и остаётся просто надеждой. А бывают только чудеса.

Я перевернулась, неловко подогнув под себя правую руку. Ой, как она заныла. Так вот же в чём счастье-то! Я выскочила из кровати, встала посреди комнаты, широко взмахнула руками. Теперь ведь я такое оно, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Накинув куртку, я выскочила на балкон.

Вот он, мой балкон, где я проводила столько томительного времени. Какой всё-таки хороший с него вид. Это сейчас среди тёмной осенней ночи нельзя рассмотреть ничего, кроме разноцветных огней. Днём же отсюда видна Москва-ре-

ка, небесный простор над ней и далёкие таможенные терминалы. А за ними шоссе – многочисленные огни в несколько рядов. В тёмное время суток мне всегда казалось, что туда, на тусклую далёкую речную воду подплывает «Титаник». И стоит, готовый отчалить. Жизнерадостно светятся ряды его иллюминаторов. Давай с нами, поехали! подмигивают они. Но я-то знаю, что это на редкость «везучий» лайнер, и поэтому связываться с ним нельзя. А он стоит, раскачивая бока с иллюминаторами в несколько рядов – как напоминание о том, что иногда мечты сбываются, но их результат может совсем не устраивать.

Плыть – не плыть, а подлететь к нему – пожалуйста. Подлететь, посмотреть, определить, из чего состоит макет придуманного мною сухопутного шоссейного «Титаника» – и домой. Нам теперь сам чёрт не брат!

Правда, холодно. Ветер ледяной. Я даже в куртке это ощутила. Замёрзну я или нет? На видоизменённую тушку ничего уже надеть не получится. Ну замёрзну – тогда, значит, полетаю недолго. И в люлю. На работу завтра.

Один взгляд на коробочку с линзами вызвал панику. Хватит мучить глаза. Вылетим в очках. Но как их надеть? До того, как я обернусь птицей? Не факт, что это произойдёт так, как я хочу. Ладно, попробуем в очках.

Аккуратно раздевшись и грохнувшись об пол, поздней осенней ночью я превратилась в птицу. Вещую-зловещую. Нет, очки не удержались на лице, кончиком дужки повисли

на одном ухе, скользнули на пол. Эх, трещина по стёклышку пошла. Такие очки испортила… Ничего, отдам заменить стекло. Хорошо, что у меня есть ещё.

Я вернулась в человеческое состояние, нашла их. Повертела в руках. Упадут ведь тоже – и придётся лицом по полу возить, лапой-то я их на нос себе нацепить не смогу. Я не йог. Глаза я чесала в экстремальной ситуации, а потому смогла так извернуться.

Но смекалка у меня была. Креативный класс всё-таки.

Я кинула в рот одну за другой четыре подушечки жевачки. Прожевала. Получился крупный комок. Чпок! – приклеила его к дверному косяку балкона. А на жевачку уже налепила очки, раскрыв их дужки. Так что останется только ткнуться в них лицом, попасть дужками за уши. И лететь себе, вооружённой оптикой. Если удастся этот номер, на будущее куплю пластилина. И буду на пластилин очки к косяку крепить. Надо же – заколки и линзы держатся на мне в момент превращения, а очки нет. Наверно, нужны такие, с большими детскими заушниками. Или с резинкой вокруг головы – как у старичков. В общем, разберёмся.

Ха-ха, сейчас я буду птица в очках…

Побившись головой о косяк, я приладила дужки очков за ушами, сиганула в открытую балконную дверь.

О-о! Воздух подхватил меня. Засвистел, обрадовавшись крыльям, ветер. И ничего не холодно. Правда, шарфик и бюстгальтер бы не помешали, ну да ладно. Надеюсь, я не под-

хвачу птичьего гриппа. Вперёд!

Перед вылетом я посмотрела на часы – они показывали почти час ночи.

Надеюсь, никто не должен был видеть, как крылатая тень метнулась от балкона восьмого этажа и устремилась над старыми пятиэтажками, над зарослями кустов и вершинами деревьев, над хмуро блестящей водой. Вперёд устремилась.

Распался на части мой «Титаник», ряды огней рассыпались на отдельные фонари, что светили над дорогами, над складами и огромными контейнерами, над широким шоссе, по которому яростно мчались ночные машины.

Я летела к центру. И надеялась, что снизу меня не видно – ничем не подсвеченная, я должна была теряться на фоне чёрного беззвёздного неба.

Но как интересны, оказывается, крыши домов! Сколько на них всего понагорожено. А я и не знала. Поэтому принялась облетать крыши и внимательно их рассматривать. Прямо как зевака, который с любопытством пялится в чужие освещённые окна: а как вы там живёте? А у вас там так же, как у нас – или по-другому? Может, у вас лучше, у вас именно так, как надо – так что я посмотрю, позавидую, поучусь… Я, кстати, тоже могу в окна позаглядывать. Представляю, какой Кондратий хватит жителя квартиры этаже эдак на четырнадцатом, если к нему в окно вдруг сунется моя любопытная физиономия… Да достаточно и того, чтобы он просто увидел пролетающую мимо окон мою подозрительную фигуру.

Но я не дам никому такой возможности. Нечего на меня пялиться.

Провода! Сколько раз у Глеба в каморке мне снилось, что я в ночном полёте над Москвой вовремя не реагирую и перерезаю себе шею этими проводами!.. Или запутываюсь в них, и меня бьёт током…

А тут как раз провод – вот он! От крыши одного дома к крыше другого. Опа! – я поднырнула под этот самый провод.

И лечу себе дальше. Наяву, а не во сне, это оказалось нестрашным. Отлично.

Ага, а вот кажется подстанция. Или как ещё называется целое скопление инопланетных фигур – трансформаторов, опор линий электропередач (так, наверное, называется то, к чему провода крепятся? Ну ничего-то я не знаю!), ещё какой-то непонятной фигни типа столбик-перекладина. И всё это переплетено натянутыми нитями проводов. Рискнуть? Какой там наш лётчик-ас любил нырять под проводами и пролетать под мостами? Кожедуб? Или Чкалов? Ничего-то не знает эта лётчица, новая ночная ведьма… Ну и ладно, как не знала, так и узнаю, погуглим, я люблю учиться. А сейчас мы возьмём не теорией, а практикой. Ну-ка, попробуем…

Я, сбавив скорость, снизилась. Оп-с! – под одну растяжку проводов. Уп-с! – под другую. Так, а тут вот совсем узко, пройдём вертикально. А тут резко развернёмся – и идём параллельно горизонту. Хорошо, что подстанция щедро освещается. Всё видно. Специально как для меня – тренировать

смелость. А ну-ка – раз! Отлично! Страшно, аж лапы вспотели. Птицы же не потеют… Да ладно, это не пот, это адреналин, то есть, его излишки выходят. Или просто влажность.

Ой, а тут-то куда? Совсем низко и узко! Не упасть бы – а то не удастся взлететь. И как меня сюда занесло-то… Главное, не надо панически метаться, биться о столбы, постараться не запутаться в проводах – я ведь не знаю, меня ими порежет или током шандарахнет. А какое тут напряжение, я даже представить боюсь. Ну, артистка… Тихо-тихо-тихо… Надо смотреть на провода сбоку – так их видно, поблёскивают. А вот сверху они совсем не заметны. Осторожно. Спокойно.

Вот тут-то и должен пригодиться пилотаж. Попробую сделать «горку». Широкий взмах, поднырнуть под эту растяжку. Опа! Есть!

Ну надо же – как совпало! Только я взмыла вверх и оказалась вне нагромождения проводов, внизу хлопнула дверь, и на улицу выскочил дед. Который только меня и видел!

Я умчалась. С бурлящим в крови адреналином.

Нет, ну до чего же они хороши – ярко освещённые центральные улицы! Хороши – уже не такие загруженные, как днём. Я летела вдоль них. И думала о том, что те, кто сидят сейчас в несущихся машинах, точно так же довольны – тем, что всё пусто, а потому быстро. Быстро и пусто. Я мчусь, они мчатся. У меня адреналин. У них адреналин.

Высотки. Моя давняя мечта – прекрасные высотки. То,

чем заканчиваются их шпили, находится очень высоко. С земли не рассмотришь. Я много раз пыталась разглядеть их – но кроме звёздочки в обрамлении веночка на вершине гостиницы «Украина» почему-то ничего не видела. Ну, так сегодня я это исправлю. Поднялась повыше. Вот они, светятся. Раз, два, три… Все семь. Четыре даже вечерами из окон моей квартиры видно. Так что полетели – посижу на вершинах и всё узнаю.

Первой по курсу оказалась высотка Кудринской площади. В смысле, площади Восстания. Или наоборот. Я полетала вдоль Садового кольца – как, всё-таки, светло в центре. Машины мчатся непрерывной вереницей. Время позднее совсем, и чего людям не спится?

Здание высотки подсвечивалось. Где-то на крышах стояли прожекторы и светили прямо на шпиль. И статуям света доставалось. И окнам. Интересно, те, кто в здешних квартирах живут, настоящей ночной тьмы не видят никогда?

Я набрала высоту – и, чтобы максимально не мелькать в свете этих прожекторов, спустилась на вершину здания вертикально. Звезда – это оказалась огромная звезда из чего-то гладкого, полированного. И очень грязного. Ноги мои – лапы мои скользили и не могли зацепиться за острый верхний луч звезды – а так хотелось оказаться на доминирующей высоте этого района. Растопырившись, я кое-как устроилась между лучами. Посидела минуты две, половила влажный верховой ветер. Огляделась – да и рванула снова вертикально вверх.

Домой.

Думаю, остальные высотки такие же. Не полечу к ним. А вот куда мне теперь домой – непонятно. Если ориентироваться по метро, то от Баррикадной на юг. А потом… Нет, проще по улицам. Вот зоопарк. От него куда? Ах ты глупая коза да Илья Муромец! Полёт навигатора, тоже мне… Потерялась? А кому на работу завтра? Время-то идёт.

Я кружила и кружила, принимая один ночной проспект за другой, называя одно шоссе совершенно не тем, каким оно было, выискивала такие с земли простые, а с воздуха вдруг оказавшиеся сложными ориентиры…

Может, опуститься в каком-нибудь тихом дворе, обернуться человеком и просто поймать машину? Ага – куда, прелестная голышка, спросит водитель, вас довезти? В этом случае, кстати, можно договориться – объяснить, что поймали, обобрали, довезите домой, там я и расплачусь. Но домой-то я как попаду – без ключа? Мне один путь в квартиру – через балкон, как и выходила. Никакой дурак не станет ждать, пока я снова перекинусь в птицу, влечу в своё жилище, оденусь и уже обычным путём вынесу ему деньги.

«Ищи, ищи, ищи!» – командовала себе я. И, злясь на заляпанные мелкодисперсной грязью очки, которые не было возможности протереть, кружила над городом.

Конечно, нашла. Просто наконец догадалась полететь вдоль Москва-реки. И обнаружила склады-терминалы, вы-

скочившие к берегу старые пятиэтажки и бодрый ряд наших башен. Какая тут моя квартира? Где родные окна? Ну, с этой задачей я легко справилась. Ба-бамс! – и вот я уже уселась на балкон. По-быстренькому прыг! – и в дверь. Прыгаю я, конечно, по-прежнему неуклюже. Ох, сейчас я все бумаги на столе себе заляпаю. Ну да ладно – в следующий раз буду умнее, не стану гнездиться на запачканных звёздах.

Со стола я подпрыгнула к потолку, сложила крылья – и треснулась об пол так, что наверняка соседи снизу решили: или у меня случился взрыв, или какого-то гиганта с кровати скинули. А может, и не решили, но точно проснулись.

Грязи на ногах не было. Наверное, она вся на столе осталась. Журналы и разложенные веером бумажки были в смешных неровных следах. Забавненько.

Мыться и спать. Почти половина шестого. Просплю. Опоздаю. На работе повесят. Наглеть не надо.

А летать хорошо.

Замечательно!

Тогда я решила не спать совсем. Помылась, оделась, наступило как раз шесть часов. Напилась чаю с вареньем и вечным хлебом (хорошая вещь вафельные хлебцы, лежат себе и не портятся). И дёрнула к метро. Повезла деньги хозяевам. Был шанс прийти на работу первой – хозяева жили на той же ветке, на которой находилась и наша контора, так что всё очень удобно складывалось.

Трудно летать ночью. Больше так далеко мотаться не буду. Только у себя в районе. Наверно…

Так, не спать, моя черешня! Метро убаюкивало. Я вытащила из сумки телефон, который с самого вечера так и не решилась включить. Почему-то казалось, что чем позже я попаду в интернет и в зону доступа средств связи, тем дольше продлится ощущение чуда…

Ого, сколько сообщений и почты пришло! Ага, вот мама меня ищет, вот с работы девчонки. Опаньки! Поглядите-ка, кто проявился! Давно пропавший с горизонта несостоявшийся кавалер. Ох, сколько от него сообщений в разные мессенджеры! Чего хочет? Общаться, пупсик. Опомнился.

Я усмехнулась и не стала отвечать ни на одно его послание. Опоздал, залётный. О чём он думал несколько лет назад, когда сначала пытался усиленно меня кадрить, а потом свалил в туман. Вернее, ему пришлось свалить – по моей инициативе. Особых чувств он у меня не вызывал – то ли потому, что был ну невозможно умный, по горшкам дежурный (ну никто, кроме него, не разбирался так же глубоко и широко в прямо-таки любых вопросах). Но разве он не видел, что тогда я была так одинока, так болезненно и глобально одинока, что преданнее человека, чем я, он не нашёл бы никогда! Предложил бы он мне тогда выйти замуж – я бы вышла. И в благодарность полюбила бы его, правда. И стала бы, как многие женщины в подобной ситуации, его недостатки превращать в достоинства, стараться, подстраиваться. Но нет –

чего-то он испугался, хотя был разведён, и тела очень желал, я помню. Я старалась – так старалась понравиться ему, убедить в своей положительности. Не удалось…

А сейчас – фиг ему! Большую дулю с красным маком. Несмотря на то, что я одинока по-прежнему. Кстати, всё-таки, как он там? И зачем меня ищет? Но не буду отвечать, не буду.

С такими мыслями я доехала до хозяев, вручила им деньги, повинилась, чего-то наплела, пообещала, что больше такого не случится никогда…

И действительно – оказалась на работе первой.

В интенсивных трудах закончилась неделя. Я входила в курс дела – пропущено было много, часть моих проектов навсегда ушла к другим сотрудникам, с частью пришлось разбираться самой. Поступили новые. В работе с утра до вечера я чувствовала себя деловой и нужной. Пусть это просто работа, но она моя, а значит, делать её надо.

Приходила домой поздно, тут же валилась спать. Чтобы утром всё сначала. Нормальный бойкий ритм, моментально втянула меня привычная жизнь.

И казалось, что вообще ничего и не менялось никогда. Падая вечером в кроватку, я как-то совершенно забывала, что умею. Намыться, погонять по экрану новости, кино, прикольчики, отследить тренды – и спать. Вечерняя схема, отработанная годами. А умею-то я о-го-го! Но не до полётов

было моей усталой тушке.

Но вечер четверга с ритма сбился. Антуан. Тот самый давний кавалер, тот самый умный-умный. Он дозвонился. И возник.

Мы сидели с ним в ресторане. Я улыбалась, слушала его, пила вино. И думала: надо же, кажется, ничего не изменилось. Тот же он, та же я. Даже, кстати, выгляжу явно лучше, чем тогда, когда мы с ним виделись последний раз. И он это улучшение отметил. А почему лучше выгляжу? Омолодилась? Нет же, потому что… Ха-ха-ха, потому что я теперь оборотень, Антошка! Демоническая женщина! Хоть об этом ты никогда не узнаешь!

А так всё то же, даже ресторан тот же – его любимый, Антуан в привычках постоянен. Но вот я, я… Эх, сидела же я тут когда-то и, помнится, всё переживала: так, он меня в ресторан привёл. Значит, хорошо относится. Это приятно, но… Придётся отрабатывать: вести себя так, как ему нравится, не злить его, во всём поддакивать. Да, и съесть поменьше, чтобы не подумал, что он меня этим осчастливил. Антуан у нас джентльмен, самой за себя даме платить не позволяет. А вот если бы я сама за себя платила, было бы проще, легче, ды-ды-ды-ды-ды…

Я какой-то всё-таки трусливый и сумасшедший элемент. Взять хоть те же мои переживания по поводу того, что за меня платят в общепите. Подобные мысли сидят в голове тех, наверное, кто когда-то был очень бедным. А я была. И поэто-

му боюсь оказаться нахлебником. И чувствовать себя обязанной боюсь. А главное, переживаю, что угощающий теперь имеет фору. Насколько проще ходить в кафе и рестораны с подружками! То ты подружке, то подружка тебе оплатит банкет, то каждый за себя, то просто общая сумма честно делится поровну. С коллегами вообще даже вопросов подобных не возникает. У мужчин, наверное, в кругу друзей так же всё просто. А тут сложно. Скучно, ох, скучно…

Пока Антуан говорил что-то длинное и глубокомысленное, у меня в голове пролетели все эти мысли. И, кажется, последние слова я вообще произнесла вслух.

– Я понимаю, что я нудный и тебя утомил… – покраснев, пробормотал Антон.

Ох, значит, всё-таки сказала. Ну как же мне не стыдно! И – в первый раз, кажется, со времён нашего с ним знакомства, мне было действительно не стыдно! Нет, что его пространные речи я часто не слушала, нагло думая о своём, это было. Но мне всегда неловко становилась: ах, думаю, всё-то прослушала, но поддакиваю и старательно хвалю его за что-нибудь! Но так ведь тогда я всё хотела ему понравиться – до такой степени, чтобы замуж позвал. Вот и подстраивалась. А сейчас не хочу! Не хочу даже пытаться попроситься к нему замуж.

Да потому что замуж мне совершенно не хочется. Оп! Вот на какой мысли я себя вдруг поймала. (Это вместо того, чтобы ответить Антуану, что же именно вызвало у меня ску-

ку)… Я смотрела на Антуана и улыбалась. Наверное, мои глаза как-то особенно сияли. А может, улыбка приобрела новый вид. Не знаю. Я почувствовала упоение от того, что одна. Что сама по себе. Что имею право не стараться во что бы то ни стало понравиться человеку, которого я не люблю (а могла бы полюбить, как уже говорилось – в благодарность за созданную со мной семью. Или не могла бы – уже не важно). Что могу себе позволить не горевать о том, что так и не влилась в ряды счастливых замужних женщин. И что этим я НИЧУТЬ НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ!

Я продолжала сидеть и улыбаться, мой торжествующий и счастливый взгляд поплыл куда-то за спину Антуану. Подумала: вот сейчас мы с ним поболтаем – и я домой, домой! Никакого благодарного секса, на который он рассчитывает. А ведь наверняка рассчитывает – и постарается предложить, ведь попытка не пытка. Да… Антуан, наверное, вообще не рад, что сегодня встретился со мной. Я что-то всё думаю и молчу, молчу и думаю. Вот теперь и ему, пожалуй, скучно. Но не всё же тебе, мой умник, лекции читать. Наверное, из-за этих лекций его жена и бросила.

– Ты какая-то другая, – интимно пробормотал Антуан и цапнул меня за руку. – Расскажи теперь, что у тебя творится.

Да конечно, расскажу… Я сообщила о том, что происходит на работе. Ухажёры не любят, когда им рассказываешь свои сны или про работу. Я это знала, и потому заливалась соловьём. Ага, скучаешь, паразит! Я про твои вагоны тоже

слушала! И про штабельную укладку! И про…

– А в личной жизни? – всё-таки не выдержал, перебил.

– В личной всё прекрасно. Кипит, бурлит. А у тебя?

– А я тебя очень хочу. Вот сидим мы тут, я смотрю на эту шею, на эти губы, и думаю: да на фига это всё, поедем скорее ко мне.

Проходили. Вы, любезный, опоздали. Я сразу вспомнила, как я ездила к нему домой, хорошо там себя вела, как он был мил. Но даже жить вместе не предложил.

– А я, Антон, не женщина для развлечений, – эту фразу я заготовила ещё много лет назад. Но так и не сказала – всё время повод подходящий только наклюнется – и смазывается. Вот я и не произносила её. А теперь можно.

– Я это знаю, зайчонок, – от «зайчонка» у меня всегда подкатывает рвотный спазм. Как и от кошмара типа «котёнок», «зая», «солнце». Когда-нибудь я не смогу его сдержать.

И я поняла, что мне жалко Антуана. Не сильно так. Но жалко. Не орёл. Даже не павлин. И что я его отпускаю. Да, именно даже не его, а своё давнее безуспешное стремление постараться ему приглянуться с матримониальной целью. Решила, что больше не злюсь на него, и больше не ненавижу – за то, что он вроде как меня облизывал и обхаживал, но тут же беззастенчиво динамил. Хотя знал, сколько мне пора уже быть полноценной женой и матерью.

Ещё усмехнулась – вот я коза была! Злилась на человека и ненавидела его – а сама стремилась за него замуж! Ну за-

чем, зачем я унижалась? Наверное, у Антуана были ко мне светлые чувства – а я пыталась использовать их в корыстных целях. Позор.

Хотя сколько людей не по любви женятся! У меня эти примеры всегда стояли перед мысленным взором, когда я думала о своём будущем. И как хорошо, что судьба не дала мне выйти замуж по расчёту.

Ха, не только не только по расчёту – никак не дала. Хорошо, как же хорошо, что я теперь поняла – мне этого уже и не надо! Я умею летать, я женщина-трансформер, и это компенсирует всю остальную недостачу жизненных успехов. Да!

Антуан заметил мою усмешку – решил, что я вся в мыслях о ком-то неведомом. Вздохнул.

«Я прощаю тебя, прощаю за то, что ты боялся на мне жениться, – произнесла про себя возвышенный монолог. – Ты не переживай, Антошка, я не буду стараться за твой счёт устроить свою задницу. Прости, что пыталась. И молодец, что был твёрд и не связался со мной. Наверное, ты знал что-то большее про меня, знал, что со мной нельзя связываться, потому что я стану чудесным оборотнем… Нет, конечно, ты этого не знал, что за глупости!»

Монолог сменился мыслью. Антуан говорил-говорил, журчал, как самозабвенный попугайчик. А я думала. Во мне не было так называемой изюминки! А ведь даже наличие винограда, из которого получится в последствии этот самый изюм интересности, уже позволяет хватать подобную дамоч-

ку и тащить в ЗАГС. Мой виноград для получения изюминки не созрел. И, вполне возможно, даже не заколосился.

А чужой изюм виден невооружённым глазом. Лишь бы был. Тогда всё можно оправдать. Есть изюминка, и…

Жена – стерва: это бодрит!

Изворотливая хитрюга: берём. С такой по жизни не пропадёшь в битве за материальные блага!

Изменщица: а я и сам хорош. Или: раз моя любимая женщина так популярна, значит, мне досталась особо ценная особа! Нельзя отпускать! Тоже, стало быть, стимулирует…

Подлая тихушница: ой, не знаю, любящий мужчина это тоже как-то сможет оправдать…

Беспомощная неумеха и раздолбайка: это значит дева не от мира сего, ангел, чистый ангел…

Только таким как я, неопределённым личностям, оправдания нет. Виновата сама. Нельзя было на всех оглядываться и подстраиваться. Мужчина, как существо простое, тянется к чему-то определённому, ясному, сложившемуся. А услужливый туман «Женись, я хорошая!», который мотается у него перед глазами, в конечном счёте раздражает. Так что всё я поняла. Я такая. Но теперь уже пусть. Знание – сила. Не могу пока сказать, сила ли запоздалое знание.

… – Но нам же было хорошо вместе, ведь когда-то было. А ты тогда вдруг почему-то махнула хвостом. Своим очаровательным хвостиком. Я подумал – ну что за капризы. Но сейчас давно не сержусь. И очень хочу тебя, моя умница-краса-

вица.

Бя-я… Учитесь, девушки, как не надо… В таком режиме мы с Антошкой общались всю дорогу. Джентльмен мчал меня ко мне домой. Как хорошо, что теперь он меня потерял.

– Мы ещё сходим с тобой куда-нибудь? Ведь сходим? Увидимся? И ты будешь не такая надутая, – бормотал он, пытаясь поцеловать меня на прощанье.

От «надутой» меня обычно тоже мутит, как от «заи». Вот опять – кекс меня бесил и бесит по всем статьям, а я пыталась выдаться за него замуж! Зачем? Да просто он подавал надежды – то про новых детей заговаривал (что хотел бы их завести, не намекая, что именно со мной, а просто как бы в пространство – но Анжелка, слышавшая это, сказала, что тут и дураку понятно, какую именно женщину Антоха имеет в виду), то про то, что я ему очень дорога, и он меня всегда помнит и непрерывно хочет. Для кого-то подобный текст, конечно, никакая не подача надежд, но я и это принимала за желаемое – и старалась, как уже упоминалось. Да…

А сейчас лезет целоваться – и я уворачиваюсь. Прогресс. Эх, дура я была раньше: он хочет поцеловать, а я – пожалуйста. Ведь не доставляло же никакого удовольствия – тык-тык мякенькими слюнявыми губками, коль-коль усиками. Но ЗАМУЖ, замуж! Типа привыкну. Люди же ко всему привыкают… Дура.

– Сходим, Антон, конечно!

Ничего, я только учусь. Поэтому не смогла сказать прав-

ду: иди на фиг. Опять перешла в щадящий режим. Научусь, научусь.

– У меня к тебе нежно… – на полном серьёзе, продолжая протягивать ко мне руки и губёшки для поцелуя, простонал Антуан. – О, как у меня к тебе нежно…

Это он сам придумал. В разгар особых чувств говорит. И уверен, что создал такой необыкновенно изящный стилистический оборот. Что я сейчас проникнусь и буду чувствовать то же, что и он. Что у меня тоже будет к нему нежно… Но у меня от слащавости этой фразы, естественно, бле-е-е…

Так что я выскочила из машины на улицу особенно быстро.

Ой, ну не могу, до чего смешно и противно. А ведь слова о чувствах – это так много, так важно. Слова, что говорят действительно любимые мужчины, наверняка отпечатываются – в мозгу ли, в сердце. Они будоражат, радуют. А это – фу…

И вообще я заметила, что нелюбимый виноват во всём, всегда. А любимому всё прощается. Вот такая приятная необъективность.

Машина с Антуаном умчалась. Счастливо тебе, Антон Артурович! И катись колбаской по Малой Спасской.

А я домой!

Мыться! Вода смыла всё. Утекли в сточные воды мои желания замуж. Очень правильно, что я сегодня встретилась с Антуаном!!! Теперь стало так спокойно и гармонично –

как будто нет больше ни страстей в моей душе, ни бурь сомнений, ни гроз несбыточных грёз. Казалась я себе чистым белым голубем – нежным и безмятежным. Наверное, такое чувство приходит к монахиням после длительного поста или после окончательного прощания со скоромным страстным миром.

Засыпала я в своей кровати со счастливым ощущением самодостаточности. Так, торжественными шагами, вступают, наверное, в монументальную фазу жизни под названием «старая дева». Всё хорошо, мужчины сволочи, а лучшие друзья – интернет и вкусная еда.

Ну и – да! Да, да, да! Я не против.

Выходные я провела у родителей. Хорошие мои, милые труженики! Дай Бог им и таким людям, как они, спокойной и мирной жизни, чтобы здоровье, которое они лечат за мелкие копейки, не подводило, чтобы всё то, что происходит, не обижало и не угнетало их, чтобы радость – простая человеческая радость – озаряла их лица почаще!

Стыд перед добрыми моими родителями никуда не уходил. Но он присутствовал на фоне общей позитивности моего настроения, так что мама и папа его не замечали, радовались и просто сияли.

– Ну, у тебя как? – спрашивала мама. – Нас знакомить-то не обязательно. Тебе-то хорошо, скажи?

Уй, а я-то и забыла про своё враньё… Про сумасшедший

роман!

– Хорошо! Видишь же, я какая спокойная!

– Да, это точно. – подтвердил папа. И спас ситуацию, сам того не зная.

– Мы рады за тебя, так рады! Ты так изменилась, так посвежела.

– И уверенности прибавилось. Правда.

Мы не расставались два дня. Как бы я хотела жить с ними! Только с мамой и с папой мне было хорошо по-настоящему. Но в нашем городке я когда-то так и не смогла найти себе дела. И поехала, как миллионы мне подобных, в Москву.

Не буду я маме с папой рассказывать про то, что у них дочка оборотень, хоть и с положительными наклонностями. Вот этого они не оценят никогда.

Я уезжала и видела их практически счастливыми. А дело ведь не только во мне – спокойной и довольной. Но и в наличии пресловутого любимого человека. Эх-ох-онюшки…

Я звонила спасителю-Глебу несколько раз. Аппарат абонента был стабильно выключен или находился вне зоны действия сети. Я отправила сообщение – что скоро приеду отдавать долг. И пришёл ответ: Глеб меня ждёт. Надо ехать. Я у него там полетаю. У-ух!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.